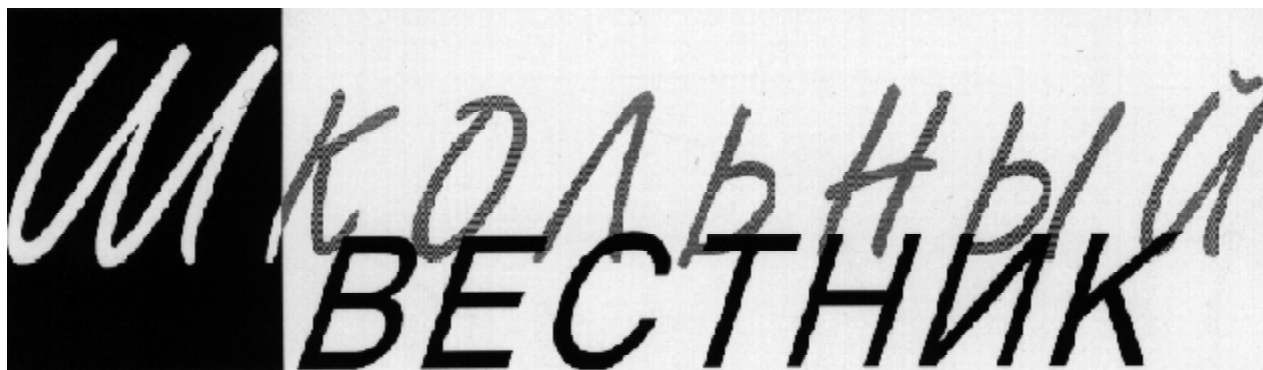

ШКОЛЬНЫЙ ВЕСТНИК

6+

7/2026

7/2026

Учредители
журнала:

АО «Молодая
гвардия»
и коллектив
редакции

Главный
редактор

Ю.И. Кочетков

Редакционная
коллегия:

С.В. Винокурова

В.З. Денискина

О.В. Клековкина

Ю.И. Котов

А.П. Торопцев

СОДЕРЖАНИЕ

Информация о подписке	1
-----------------------	---

Януш Корчак. Король Матиуш Первый	3
-----------------------------------	---

ВАЖНАЯ ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые руководители коррекционно-образовательных учреждений, где учатся незрячие и слабовидящие школьники, и директора специальных библиотек для слепых!

Журнал «Школьный вестник» на протяжении долгих лет многим своим читателям помог найти место в жизни, выбрать свою профессию, был большим другом и помощником детей и взрослых. Сегодня ему очень нужна ваша поддержка!

Подпишитесь, пожалуйста, на наш журнал, если вы этого ещё не сделали.

На страницах «Школьного вестника» каждый читатель может найти для себя что-то интересное и нужное: младшие школьники в рубрике «Аз, Буки, Веди» в каждом номере познакомятся со стихами и рассказами молодых профессиональных авторов; учащиеся любого возраста могут принять участие в литературном конкурсе «Проба пера» и по итогам получить достойный приз; старшеклассники узнают о профессиях, в которых успешно работают незрячие и слабовидящие люди; педагоги могут опубликовать свои методические работы, наблюдения, поделиться своим опытом обучения и воспитания незрячих и слабовидящих детей.

Оформить подписку на «Школьный вестник» можно с любого месяца в любом отделении «Почта России», а также в агентстве «Урал-Пресс».

Индексы в каталоге АО «Почта России» журнал
«Школьный вестник» шрифтом Брайля

ПП671 — подписка на 1 месяц

ПП672 — годовая подписка

Индексы в каталоге АО «Почта России» журнал
«Школьный вестник» укрупнённым шрифтом, кегль 18

ПП663 — подписка на 1 месяц

ПП670 — годовая подписка

Индексы в каталоге ООО «УРАЛ-ПРЕСС» журнал
«Школьный вестник» шрифтом Брайля

70864 — подписка на 1 месяц

71546 — годовая подписка

Индексы в каталоге ООО «УРАЛ-ПРЕСС» журнал
«Школьный вестник» укрупнённым шрифтом, кегль 18

81661 — подписка на 1 месяц

81683 — годовая подписка

Подписаться можно как на брайлевский вариант журнала, так и на журнал, отпечатанный укрупнённым шрифтом. Внимательно смотрите на каталожные индексы.

ОЧЕНЬ ЖДЁМ ВАШЕЙ ПОДДЕРЖКИ!

Редакция журнала «Школьный вестник»

КОРОЛЬ МАТИУШ ПЕРВЫЙ*

18

Иностранные короли пригласили Матиуша в гости. Они писали, что очень просят короля Матиуша приехать к ним, а также капитана, доктора, Стасека и Еленку.

Король Матиуш может быть уверен, что не пожалеет. Мы сделаем всё, что будет в наших силах, чтобы он хорошо провёл время и получил всё, чего захочет.

Матиуш ужасно обрадовался. Он был только в одном иностранном городе, да и то во время войны, а теперь ему предстояло увидеть три столицы, три иностранных дворца и королевские сады, и его очень интересовало, как там всё устроено. В одной столице, говорят, замечательный зоологический сад, где собраны звери со всего света. В другой, говорят, есть такой высокий дом, что, как сказал Фелек, он почти достаёт до неба. А в третьей — магазины с такими красивыми витринами, что можно смотреть на них целый год и не надоест.

Министры были очень недовольны, что их не пригласили, но ничего не могли поделать. Только министр финансов умолял Матиуша, чтобы он не брал у них денег и ничего не подписывал, потому что его непременно обманут.

— Вы не бойтесь, — сказал Матиуш. — Моложе был — не дал им себя обмануть, а теперь тем более не дам.

*Продолжение. Начало читайте в № 6 за 2026 г.

— Ваше величество, они теперь притворятся друзьями, ведь война уже кончилась, но будут всегда соблюдать свою выгоду.

— Точно я этого не знаю! — сказал Матиуш. Но в душе был рад, что его предупредили, и решил ни за что не подписывать никаких бумаг. И в самом деле, ему казалось странным, почему не пригласили никого из министров.

— Буду осторожен, — добавил он.

Все завидовали Матиушу, что он едет так далеко. Укладывали сундуки, портные приносили новые костюмы, сапожники — новые сапоги. Церемониймейстер бегал по всему дворцу, чтобы не забыть чего-нибудь. Еленка и Стасек даже прыгали от радости.

Наконец подъехали два автомобиля, в один сели король Матиуш и капитан, в другой — доктор, Еленка и Стасек. Под приветственные крики проехали город; на вокзале их ждал и королевский поезд и все министры.

Матиуш ехал уже однажды с войны королевским поездом, но тогда он был очень усталый и не мог как следует всё разглядеть. Теперь было совершенно по-другому. Он ехал для собственного удовольствия, так что мог ни о чём не думать. Ему ведь полагался отдых после такой тяжёлой войны и такой работы. Весело смеясь, рассказывал он, как, укрытый попоной, прятался от поручика, своего теперешнего учителя. Говорил о супе, о блохах, которые его донимали, о встрече с военным министром, когда с лесенки над хлевом он смотрел на поезд, в котором сейчас едет.

— Вот здесь стояли мы целый день. Вот с этой станции нас вернули обратно.

Королевский поезд состоял из шести вагонов. Один был спальный. У каждого была своя комната с удобной кроватью, умывальником, столиком и стулом. Второй вагон — столовая. Посредине стояли стол и стулья, на полу красивый ковёр, везде цветы. В третьем вагоне была библиотека, и на этот раз кроме книжек там были самые красивые игрушки короля. В четвёртом была кухня, в пятом ехала дворцовая служба: повар и лакеи, а в шестом были сундуки, полные вещей.

Дети то и дело выглядывали в окна и веселились. Останавливались на больших станциях, когда нужно было долить воды в паровоз. Вагоны шли так легко, что не было ни шума, ни малейшей тряски.

Вечером легли, как обычно, а утром проснулись уже за границей.

Как только Матиуш умылся и оделся, явился посол иностранного короля с приветствием. Он сел в поезд ночью и не хотел беспокоить короля Матиуша, но не спал от самой границы, так как теперь Матиуш находится под его опекой.

— Когда я буду в столице вашего короля?

— Через два часа.

Матиуш был рад, что королевский посол не говорил с ним на иностранном языке, потому что, хотя Матиуш уже понимал и говорил на нескольких иностранных языках, всё же приятнее было говорить на своём.

Трудно описать, какой приём ждал Матиуша. Он въезжал в столицу чужой страны не как победитель города, его крепостей и стен, а как победитель сердец всего народа. Старый седой король этого государства со своими взрослыми детьми и внуками ожидал его на вокзале. На вокзале было столько зелени и цветов, как будто

это был прекраснейший сад, а не железнодорожная станция. Из веток и цветов была сплетена надпись: «Добро пожаловать, долгожданный юный друг!» Были произнесены четыре длинные приветственные речи, в которых Матиуш был назван добрым, мудрым и смелым королём. Предсказывали, что царствовать он будет так долго, как не царствовал ещё ни один король. На серебряном подносе поднесли ему хлеб и соль. На грудь ему повесили высший орден Льва с огромным брильянтом. Старый король поцеловал его так сердечно, что Матиушу вспомнились покойные родители и навернулись слёзы на глаза. Оркестр, знамёна, триумфальные арки. На балконах ковры и флаги.

Его на руках внесли в машину. На улицах было столько народа, что казалось, сюда съехались люди со всего света. Школьников распустили на три дня, поэтому все дети были на улице.

Так Матиуша ещё никогда не приветствовала даже его собственная столица.

Когда приехали во дворец, на площади собралась огромная толпа. Люди не хотели расходиться, требовали, чтобы Матиуш вышел на балкон.

— Пусть он скажет нам что-нибудь! — кричала толпа.

Уже был почти вечер, когда Матиуш, наконец, появился на королевском балконе.

— Я ваш друг! — крикнул он.

Грянул орудийный салют, зажглись фейерверки и бенгальские огни. Ракеты рассыпали в небе красные, синие и зелёные звёзды. Было очень красиво.

И начались балы, театры, поездки за город, где были красивые высокие горы и замки в старых лесах, потом

охота, потом смотр войск, снова торжественный обед, снова театр.

Внуки и внучки старого короля хотели отдать Матиушу все свои игрушки. Он получил двух прекрасных коней, маленькую пушку из настоящего серебра и новый волшебный фонарь с очень интересными картинками.

Но вот наступило самое прекрасное: весь двор поехал на автомобилях к морю, где был разыгран морской бой. Первый раз в жизни Матиуш плыл на адмиральском корабле, который в честь юного гостя был назван его именем.

Так в течение десяти дней принимали Матиуша, и он с удовольствием остался бы подольше, но должен был ехать к другому королю, тому самому, которого Матиуш освободил из плена. Этот король был беднее, так что Матиуша приняли гораздо скромнее, но ещё более сердечно. У этого короля было много друзей среди королей, и он пригласил их вместе с Матиушем. Здесь Матиуша ждали очень интересные балы, на которых присутствовали африканцы, китайцы и австралийцы. Одни были жёлтые, с косичками, другие — чёрные, в носу и ушах носили украшения из раковин и слоновой кости. Матиуш подружился с этими королями; от одного из них он получил четырёх красивых попугаев, которые говорили как люди, от другого получил крокодила и питона в огромной стеклянной клетке, а от третьего — двух изумительно потешных дрессированных обезьянок, которые выделывали такие смешные штуки, что Матиуш смеялся каждый раз, когда смотрел на них. Здесь увидел Матиуш самый большой в мире зоологический сад, где были птицы пингвины, похожие на людей, белые медведи, зубры, большие индийские слоны, львы, тигры, волки,

лисы и всякие зверюшки вплоть до самых маленьких — как наземные, так и морские. Здесь были всевозможные рыбы и разноцветные птицы. Одних только обезьян пятьдесят пород.

— Это всё подарки моих африканских друзей, — сказал король.

И Матиуш решил во что бы то ни стало пригласить их в свою столицу, чтобы тоже завести такой сад. Ведь если эти звери так нравятся ему, они, конечно, понравятся и другим детям.

Ну, пора уезжать. А жаль. Что же покажет ему третий король? Это в его столице тот самый большой дом, о котором говорил Фелек.

19

У третьего короля Матиуша приняли очень скромно, хотя и радушно. Матиуша это удивило, ему стало даже немного неприятно.

«Скупой он, что ли?» — подумал Матиуш.

Дворец даже не был похож на королевский замок, он почти не отличался от красивейших домов города. На одном лакее были даже не первой свежести перчатки, а на скатерти была хоть и маленькая, но всё же дырка, ловко заштопанная шёлком.

Матиуш ещё больше удивился, когда король провёл его в свою сокровищницу. Столько было в ней золота, серебра и драгоценных камней, что Матиуш даже глаза зажмурил.

— Ваше королевское величество страшно богаты.

— О нет, — сказал король, — если бы я хотел раздать всё это гражданам моего государства, на каждого пришлось бы по одной монетке.

И так он это приятно сказал, что у Матиуша даже сердце дрогнуло.

Этот король был самый молодой из всех трёх, но какой-то грустный.

Если вечером они не были в театре, король играл на скрипке, но так грустно, что всё время хотелось вздохнуть.

«Какие разные бывают короли», — подумал Матиуш. И сказал: — Говорят, у вашего величества есть громадный дом, но уж очень, очень большой.

— Ах, да. Я не показывал его вашему величеству, потому что это здание парламента. Поскольку в вашей стране нет народовластия, я полагал, что вам это не будет интересно.

— А я бы очень хотел увидеть этот... этот... парламент.

Матиуш не понял, о чём говорил король, и снова подумал: «Странно. Мне столько рассказывали, что делали короли сто, двести, тысячу лет тому назад, а почему-то не говорят, что делают короли теперь и какие они. Если бы я их знал раньше, может быть, не дошло бы до войны».

Король снова начал играть на скрипке, а Матиуш, Еленка и Стасек слушали.

— Почему ваше королевское величество играет так грустно?

— Потому, что жизнь не весела, друг мой. А уж, пожалуй, самая печальная жизнь у короля.

— У коро-ля-а-а? — удивился Матиуш. — А те два такие весёлые.

— И они печальные, дорогой Матиуш, только при гостях притворяются, потому что таков обычай, так велит

этикет. Разве могут быть весёлыми короли, только что проигравшие войну?

— Ах, вот почему ваше величество так огорчается.

— Я ещё меньше всех. Я даже доволен.

— Довольны? — ещё больше удивился Матиуш.

— Да, потому что я не хотел этой войны.

— Тогда зачем же вы воевали?

— Должен был — не мог иначе.

«Станный какой-то король, — подумал Матиуш, — не хочет воевать, а объявляет войну и радуется, что проиграл. Очень странный король».

— Выигранная война — это большая опасность, — говорил король, как бы рассуждая сам с собой. — Тогда легче всего забыть, для чего существует король.

— А для чего существует король? — наивно спросил Матиуш.

— Во всяком случае, не для того, чтобы носить корону. Для того, чтобы дать счастье своим подданным. А как дать счастье? Вводятся разные реформы.

«Ого, это интересно, — подумал Матиуш. — А реформы — это самое трудное, да, это самое трудное».

И на этот раз скрипка заиграла так грустно, точно заплакала от горя.

Долго этой ночью размышлял Матиуш, ворочался с боку на бок, а в ушах всё звучала грустная мелодия скрипки. «Спрошу его. Он мне посоветует. Это, должно быть, добрый человек. Я король-реформатор, а не знаю, что такое реформы. А он говорит, что это что-то очень трудное». То вдруг начинал сомневаться: «Может быть, он врёт. Может быть, они договорились между собой, чтобы именно этот третий дал мне подписать какой-нибудь акт».

Матиуша очень удивляло, почему с ним не говорят ни о займе, ни о чём другом. Ведь короли съезжаются для того, чтобы говорить о политике, о разных важных вещах. А тут — ничего подобного. Может быть, они не хотят с ним говорить, потому что он маленький? Тогда почему этот король разговаривает с ним как со взрослым?

Матиуш полюбил грустного короля, но всё же не вполне ему доверял. Потому что короли рано становятся недоверчивыми.

Желая скорее уснуть, Матиуш начал напевать вполголоса грустную песенку, как вдруг услышал в соседней комнате шаги.

«Может быть, меня хотят убить?» — промелькнуло у него в голове. Он слышал и о таких случаях, когда королей заманивали, чтобы тайно их уничтожить. Может быть, это не пришло бы ему в голову, если бы долгие раздумья и грустная мелодия не расстроили его.

Матиуш быстро нажал выключатель настольной лампы и сунул руку под подушку, где лежал револьвер.

— Ты не спишь, Матиуш?

Это был король.

— Не могу уснуть.

— Значит, и у маленьких королей мрачные мысли прогоняют сон? — с улыбкой сказал король, садясь возле кровати.

Он замолчал и только смотрел на Матиуша. И Матиуш вспомнил, что часто вот так же смотрел на него отец. Матиуш не любил, когда отец так смотрел на него. Но теперь ему было приятно.

— Да, да, Матиуш, ты очень удивился, когда я тебе сказал, что я не хотел с тобой воевать, а воевал. Потому

что ты ещё думаешь, что короли могут делать что пожелают.

— Я вовсе так не думаю. Я знаю, что многое нам велит делать этикет, а многое — закон.

— А, значит, ты знаешь. Да, мы сами издаём плохие законы, а потом должны им подчиняться.

— А разве нельзя издавать хорошие законы?

— Можно, даже нужно. Ты молод, Матиуш. Учись и издавай хорошие, умные законы.

И король взял руку Матиуша и положил её на свою руку, как бы сравнивая свою большую с его маленькой рукой, потом очень нежно её погладил, нагнулся и поцеловал.

Матиуш страшно смутился, а король начал говорить быстро и тихо:

— Слушай, Матиуш. Мой дед дал народу свободу, но от этого лучше не стало. Его убили злые люди, а народ всё равно не стал счастливым. Мой отец поставил большой памятник свободе. Завтра ты его увидишь: он красив, но что из того, когда продолжаются войны, когда столько бедняков и несчастных. Я приказал построить громадное здание парламента. И что же? Всё остаётся как было.

Вдруг он сделал движение, как будто что-то вспомнил.

— Знаешь, Матиуш, мы всегда плохо делали, что проводили реформы для взрослых, попробуй ты для детей, может быть, тебе удастся. Но пора спать, дитя моё. Ты приехал повеселиться, а я тебе мешаю спать. Спокойной ночи!

Когда на следующий день Матиуш попытался вернуться к этому разговору, король уже не хотел говорить. Зато он объяснил ему подробно назначение парламента. Это

было, действительно, громадное и красивое здание, внутри напоминающее театр или храм. За столом на возвышении сидели мужчины — так же, как и в его дворце во время совещаний. Только тут было очень много кресел, и в них сидели разные господа; время от времени кто-нибудь из них вставал, входил как бы на амвон и говорил так, как говорят проповедь. А вокруг были логи, и в этих ложах сидели разные министры. Сбоку, у большого стола, сидели те, кто пишет в газеты. А выше публика. Как раз, когда они вошли, какой-то человек говорил очень сердито, обращаясь к министрам.

— Мы не позволим! — кричал он и стучал кулаками. — Если вы нас не слушаете, вы не будете больше министрами. Нам нужны умные министры!

Другой говорил, что министры очень умные и новых не надо. Потом все поссорились, начали кричать. Какой-то человек крикнул: «Долой правительство!», другой: «Стыдитесь!» А когда Матиуш выходил уже из зала, кто-то крикнул: «Долой короля!»

— Почему они поссорились?

— Потому что им плохо живётся.

— А что будет, если в самом деле выбросят министров?

— Выберут других.

— Ну, а тот, который крикнул: «Долой короля!»?

— А разве могут прогнать короля?

— Конечно, могут.

— А что тогда будет?

— Выберут кого-нибудь другого.

Это было очень интересно, почти так же, как смотреть на двух маленьких обезьянок, подарок негритянского царя Бей-Бина.

А тем временем газеты в столице Матиуша целый месяц писали о том, как принимают Матиуша иностранные короли, как его любят, уважают, какие ему поднесли хорошие подарки. Министры, пользуясь этой дружбой, рассчитывали занять много денег и надеялись, что это им в скором времени удастся. Они решили оттянуть возвращение Матиуша домой, так как боялись, чтобы он в последнюю минуту чего-нибудь не испортил.

Хорошо ещё, что иностранные короли не обиделись на приписку Матиуша на письме о займе; с тех пор, как стоит свет, ни один даже самый большой король, даже король-реформатор, не писал на официальном документе: «Только не будьте свиньями».

И вот министры устроили так, чтобы Матиуш ещё целый месяц находился за границей, будто он очень устал и должен отдохнуть.

Матиуш обрадовался и сказал, что хотел бы поехать к морю. И поехали: Матиуш, капитан, Стасек, Еленка и доктор. Только на этот раз Матиуш переоделся в штатское платье, ехал обычным поездом и жил в обычном отеле, а не во дворце. И называли его теперь не королём, а князем. И это всё называлось, что король живёт у моря — инкогнито. Потому что есть такой закон, что король может ехать за границу только по приглашению, а если хочет пожить там самостоятельно, должен притворяться, что он не король.

Матиушу это было безразлично, так даже было приятнее, ведь теперь он мог играть со всеми детьми и быть таким, как все.

Жили замечательно: купались в море, собирали раковины, строили из песка замки, крепости и валы. Ката-

лись на лодке по морю, ездили верхом, собирали ягоды в ближайшем лесу и сушили грибы.

Время шло так быстро ещё и потому, что Матиуш начал прерванные уроки, а так как учился он охотно и любил своего учителя, эти три часа, когда он занимался, совсем не портили ему настроение.

Матиуш сердечно полюбил Стасека и Еленку. Это были очень хорошо воспитанные дети, они почти никогда с ним не ссорились или уж очень редко и на короткий срок. Однажды они с Еленкой поссорились из-за гриба. Это был громадный боровик. Матиуш сказал, что он первый его увидел, а Еленка сказала, что она. Матиуш даже уступил бы ей, потому что один гриб, в особенности для короля, не имеет никакого значения. Но зачем хвалиться и говорить неправду?

— Когда я увидел гриб, я крикнул: «О-о-о — смотри-те!» И показал пальцем. А ты тогда только подбежала.

— Я его сорвала.

— Просто ты была ближе, но я первый увидел.

Еленка рассердилась, бросила гриб и растоптала его ногами.

— Не нужен мне этот гриб.

Но тотчас же поняла, что поступила плохо, очень смутилась и начала плакать.

«Какие эти девочки странные, — подумал Матиуш, — сама растоптала, а теперь плачет».

В другой раз Стасек сделал очень красивую крепость с большой башней. Трудно из песка сделать высокую башню, песок должен быть очень мокрый, а для этого надо копать его очень глубоко. Стасек изрядно намучился, хотя в середину он воткнул палку, чтобы лучше держалось. Он хотел, чтобы морская волна ударила в его

крепость. А Матиушу пришла в голову другая мысль, и он крикнул:

— Я возьму твою крепость!

Он прыгнул на неё с разбега и свалил. Стасек очень рассердился, но должен был признать, что королю трудно удержаться, когда он видит крепость. Поэтому он только немножко подулся, и вскоре они помирились. Иногда капитан рассказывал, как он сражался в африканских пустынях с дикими племенами. Или доктор рассказывал о том, что болезнь похожа на врага, который нападает на человека; что в крови есть маленькие белые кровяные шарики, которые точно солдаты бросаются на инфекцию и тут или побеждают — тогда человек выздоравливает, или бывают побеждены — тогда человек умирает. Есть у человека железы, очень похожие на крепости. Там множество коридоров, рвов и засад, а как втянут инфекцию в такую железу, она там заблудится, и тогда эти кровяные солдатики бросаются и убивают её.

Они подружились с рыбаками, которые их научили, как узнавать по небу, будет ли буря и какая — большая или не особенно.

Интересно было слушать и приятно было играть, но иногда Матиуш убегал куда-нибудь далеко в лес или же отделялся от остальных, делая вид, будто идёт искать ракушки, садился и долго думал, что он сделает, когда вернётся домой.

А может быть, сделать так, как у грустного короля, который играет на скрипке? Может быть, так лучше, когда управляет весь народ, а не только король и министры? Ведь король может быть маленький, а министры могут быть не очень умные или нечестные. Что делать тогда? Вот он посадил в тюрьму министров, остался один и не

знал, что делать, а так — пошёл бы в парламент и сказал бы: «Выберите новых, лучших министров».

Матиуш часто думал об этом и очень хотел бы с кем-нибудь посоветоваться. Однажды, когда на прогулке он остался наедине с доктором, он спросил, как будто между прочим:

— Все дети такие же здоровые, как я?

— Нет, Матиуш. (Теперь доктор не называл его королем, потому что Матиуш жил на море инкогнито.) Нет, Матиуш, есть очень много детей слабых и больных. Много детей живут в нездоровых, сырых и тёмных квартирах, не выезжают в деревню, мало едят, часто бывают голодными и болеют.

Матиуш уже знал тёмные и душные квартиры и знал голод. Он вспомнил, как иногда предпочитал спать на холодной земле во дворе, чем в душной крестьянской хате. Вспомнил Матиуш, как к ним в лагерь приходили худые бледные дети и просили немного супа из солдатского котла и как жадно они его ели. Он думал, что так бывает только во время войны. А между тем узнаёт, что и без войны детей часто мучают холод и голод.

— А нельзя ли сделать так, — спросил Матиуш, — чтобы все имели хорошенькие домики с садами и питательную пищу?

— Это очень трудно.

— А я могу так сделать?

— Разумеется, можешь. Король многое может сделать. Например, король, который играл на скрипке, построил много больниц, у него больше детей, чем у всех других, выезжают летом в деревни. Он издал такой закон, по которому каждый город должен построить дома, куда посылают слабых детей на всё лето.

— А как у меня?

— Нет, у нас такого закона ещё не издали.

— Ну, так я его издам, — сказал Матиуш и топнул ногой. — Мой милый доктор, помоги мне, ведь опять министры будут говорить, что трудно, что им не хватает того или другого, а я ведь не знаю, правду ли они говорят или обманывают.

— Нет, Матиуш, они правы, это нелегко.

— Я знаю. Я хотел дать шоколад на следующий день, а они сказали, что смогут дать через три недели. Они дали только спустя два месяца. Но всё же дали.

— Шоколад легче дать.

— Но если королю со скрипкой было легко, почему мне должно быть трудно?

— Ему тоже нелегко.

— Ну, что ж. Пусть будет трудно, но я сделаю это во что бы то ни стало.

Как раз в это время солнце садилось за морем, такое большое, красное и красивое. Матиуш думал, как сделать, чтобы все дети в его стране могли смотреть на солнце, на море, кататься на лодке, купаться и собирать грибы.

— Ну, хорошо, — сказал ещё Матиуш, когда они возвращались с прогулки, — если этот король такой добрый, то почему тогда кто-то крикнул: «Долой короля!»?

— Всегда найдутся недовольные. На свете нет ни одного человека, которого бы все хвалили.

Вспомнил Матиуш, как солдаты на фронте высмеивали королей или говорили о них разные вещи. Если бы Матиуш не был на войне, он подумал бы, что его действительно все любят так сильно, что при виде его готовы от радости подбрасывать шапки.

После этого разговора Матиуш стал учиться ещё прилежнее и часто спрашивал, когда же они вернутся домой.

«Нужно начать вводить мои реформы — думал он. — Я король и не должен быть хуже тех, кто посылает детей на лето в деревню».

21

Матиуш вернулся в столицу как раз тогда, когда всё было готово, чтобы получить от иностранных королей деньги. Нужно было только, чтобы король подписал обязательство, где говорилось, когда и как заём будет выплачен.

Король Матиуш подписал, и сейчас же главный государственный кассир выехал с мешками и сундуками за иностранным золотом и серебром.

Нетерпеливо ждал Матиуш денег, так как хотел ввести три реформы:

1. Построить в лесах, в горах и у моря много домов, чтобы дети бедняков могли выезжать на целое лето в деревню.

2. Сделать во всех школах качели и карусели с музыкой.

3. Устроить в столице большой зоологический сад, где будут львы, медведи, слоны, обезьяны, змеи и птицы.

Но Матиуша ждало разочарование. Когда деньги пришли, оказалось, что министры ничего не могут дать на реформы Матиуша, так как между ними заранее было распределено, кто сколько возьмёт на свои расходы.

Выяснилось, что столько-то должно быть израсходовано на новые мосты, столько-то — на железные доро-

ги, столько-то — на строительство новых школ, столько-то — на оплату военных долгов.

— Если бы ваше королевское величество сказали нам раньше, мы бы заняли больше, — говорили министры.

А про себя думали: «Как хорошо, что Матиуша не было на совещаниях. Ведь столько денег, сколько нужно на его реформы, иностранные короли ни за что бы не одолжили».

«Ну, ладно. Вы меня обманули, но я знаю, что мне делать». И Матиуш взял и написал обо всём королю, который играл на скрипке:

«Я хочу ввести такие же самые реформы, какие Вы, Ваше Королевское Величество, ввели у себя. И мне нужно много денег. Министры заняли для себя, а теперь я хочу занять для себя».

Долго ждал Матиуш и уже думал, что вовсе не получит ответа, но как-то раз во время урока ему сказали, что на аудиенцию явился посол этого короля. Матиуш тотчас же догадался, в чём дело, и быстро пошёл в тронный зал.

Посол попросил, чтобы все вышли, так как то, что он должен сообщить — тайна, которую он может сказать только королю. Когда все вышли, посол сказал, что деньги могут быть одолжены при условии, что Матиуш даст конституцию, чтобы управлял весь народ.

— Потому что если мы одолжим деньги лично Матиушу, мы можем их потерять, но если одолжим всему народу — то это совсем другое дело. Только, — сказал посол, — министры, наверно, не согласятся.

— Должны согласиться, — сказал Матиуш. — Как же может быть иначе? Они же согласились, чтобы я был королём-реформатором.

Но министры согласились удивительно быстро. Министры боялись, чтобы Матиуш не посадил их снова в тюрьму, и рассуждали так: «Если надо будет что-то сделать, мы скажем, что так хочет весь народ, а мы не можем не согласиться. Мы должны делать только то, что велит народ. А весь народ Матиуш не может посадить за решётку».

Начались совещания. Из городов и деревень съезжались в столицу самые умные люди. И совещались, совещались целые дни и целые ночи. Потому что очень трудно было решить, как сделать, чтобы весь народ сказал, чего он хочет и что нужно сделать.

В газетах так много писали об этом парламенте, что даже не оставалось места для картинок. Но теперь Матиуш уже хорошо читал, и картинки интересовали его меньше.

Свои особые совещания устраивали банкиры, которые считали, сколько нужно будет денег, чтобы выстроить для детей дома в деревнях, карусели и качели.

Съехались купцы из всех стран света, чтобы договориться, какие нужны звери, птицы и змеи для зоологического сада. Их совещания были самые интересные, и Матиуш всегда на них присутствовал.

— Я могу продать четырёх красивых львов, — говорит один.

— У меня самые дикие тигры, — говорит другой.

— У меня красивейшие попугаи, — говорит третий.

— Самое интересное — змеи, — говорит четвёртый. — У меня самые ядовитые змеи и крокодилы. Мои крокодилы большие и долго живут.

— У меня есть дрессированный слон. Когда он был молодой, он выступал в цирке. Он ездил на велосипеде,

танцевал и ходил по канату. Теперь он для этого староват, так что я могу продать его по дешёвке. Дети получают большое удовольствие, потому что он сможет их возить, а ведь они очень любят ездить на слонах.

— Прошу не забывать о медведях, — говорит специалист по медведям. — Могу продать четырёх обыкновенных и двух белых медведей.

Эти торговцы дикими зверями все были смелые охотники, и между ними был и один настоящий индеец и два негра. И дети всей столицы с любопытством смотрели на них и радовались, что король покупает столько интересных зверей.

Однажды на совещание явился негр, такой чёрный, какого ещё не видали в этих краях.

Все прочие негры были одеты обыкновенно и говорили на европейских языках; они немного жили в Африке и немного в Европе. А у этого слова нельзя было понять. Он был почти голый, весь костюм его состоял из ракушек, а в волосах у него было столько разных украшений из слоновой кости, что казалось удивительным, как такая тяжесть может держаться на голове.

В государстве Матиуша жил один очень старый профессор, который знал пятьдесят языков. Тут же послали за ним, чтобы он перевёл — что же хочет этот невероятно чёрный негр. Потому что обыкновенные негры тоже не могли его понять, а может быть, не хотели переводить, чтобы не навредить себе.

Так как негритянский князь — да, это был настоящий князь — сказал:

— Великий, как баобаб, могущественный, как море, быстрый, как молния, и ясный, как солнце, король Матиуш! Я привёз тебе расположение моего властелина —

чтобы он жил семь тысяч лет и дождался ста тысяч праправнуков! В лесах моего властелина больше зверей, чем звёзд на небе и муравьёв в муравейнике. Наши львы больше съедают людей в день, чем весь королевский двор за месяц. А королевский двор состоит из короля, его двухсот жён и тысячи детей, чтобы они жили пять тысяч лет без одного года. Великолепный король Матиуш, не верь этим обманщикам, у которых львы без зубов, тигры без когтей, слоны старые, а птицы крашенные. Мои обезьяны умнее их, а любовь моего короля к Матиушу превосходит их глупость. Они требуют от тебя денег, моему королю золото не нужно, в его горах достаточно золота. Он только хочет, чтобы ты позволил ему приехать к тебе в гости на две недели, так как ему очень интересно посмотреть ваши земли, а белые короли не желают его принимать, говорят, что он дикий и им не подобает с ним дружить. Если бы ты, Матиуш, поехал к нему в гости, ты бы убедился, что всё, что я говорю, — истинная правда.

Торговцы дикими зверями, видя, что их дело плохо, сказали:

— А известно ли вашему королевскому величеству, что это посол из страны людоедов? Мы не советуем вашему величеству ни к нему ехать, ни к себе его пускать.

Матиуш попросил профессора, чтобы он спросил, действительно ли этот король людоед.

— О, ясный, как солнце, король Матиуш! Я говорил, что львы в наших лесах больше съедают людей за один день, чем весь королевский двор за месяц. Одно только скажу тебе, о, белый, как песок, король Матиуш, что ни тебя, ни кого-нибудь из твоих подданных мой король не

съел бы. Мой король гостеприимный и предпочёл бы съесть всех своих двести жён и тысячу детей — чтобы они жили пять тысяч лет без одного года! — чем откусить хотя бы один палец на твоей руке.

— Ну, хорошо, еду, — сказал Матиуш.

А торговцы дикими зверями тут же уехали, рассерженные, что у них ничего не вышло.

22

Старший министр вернулся домой такой злой, что жена боялась его даже спросить, что случилось. За обедом он молчал, а дети сидели тихо, боясь, чтобы им не влетело.

— Мой дорогой. — начала несмело жена, чтобы не рассердить его ещё больше, — я вижу, что у тебя опять неприятности во дворце. Всё это так отражается на твоём здоровье!

— Это неслыханно! — вспыхнул, наконец, старший министр. — Ты знаешь, что делает Матиуш?

Министерша глубоко вздохнула.

— Ты знаешь, что делает Матиуш? Матиуш едет в гости к королю лю-до-е-дов. Понимаешь? К самому дикому племени во всей Африке. Там не был ещё ни один из белых королей. Понимаешь? Его там съедят. Наверняка съедят. Я в отчаянии.

— Но разве нельзя его отговорить?

— Отговаривай сама, если хочешь. Я не собираюсь вторично сидеть в тюрьме. Он упрямый и легкомысленный.

— Ну хорошо, а что было бы, если бы его, не дай бог, съели?

— Ах, дорогая, пойми, что нам сейчас нужно сделать так, чтобы управлял весь народ, и король должен подписать бумагу — это называется манифест, и должно быть торжественное открытие первого парламента. Кто же подпишет манифест, кто откроет парламент, когда Матиуш будет в брюхе этого дикаря? Через год могут его съесть, но сейчас он абсолютно необходим.

У министров была ещё одна забота: пустить Матиуша одного в такое опасное путешествие было нельзя, а ехать с ним никто не хотел.

А Матиуш не на шутку готовился в дорогу.

По всему городу разнеслась весть, что король едет в страну людоедов. Взрослые качали головами, а дети ужасно завидовали.

— Ваше величество, — сказал доктор, — быть съеденным — очень нездорово. По всей вероятности, они захотят зажарить ваше величество на вертеле, а так как белок от жары свёртывается, ваше королевское величество...

— Милый доктор, — сказал Матиуш, — я уже должен был быть убит, расстрелян и повешен и как-то избежал этого. Может быть, этот дикий князь говорит правду, может быть, они гостеприимны и не сварят меня. Я так решил и обещал, а короли должны держать слово.

Наконец было решено, кто поедет с Матиушем: старый профессор, который знал пятьдесят языков, капитан, но без детей, потому что их мать очень за них боялась, а в последнюю минуту присоединились ещё Фелек и доктор.

Доктор не знал африканских болезней, поэтому он купил толстую книгу с описанием этих болезней и положил в чемодан все лекарства, которые были необходи-

мы. Уже в последний момент приехали английский моряк и французский путешественник и попросили, чтобы Матиуш взял их с собой. Багажа взяли мало, так как тёплая одежда была не нужна, и к тому же на верблюдах нельзя везти слишком много тюков.

Итак, сели в поезд и поехали. Едут, едут, едут, едут, наконец доехали до моря. Пересели на корабль и поплыли. На море настигла их большая буря, началась морская болезнь, и доктор впервые применил свои лекарства. Доктор был очень сердит.

— И зачем только я стал королевским доктором? — жаловался он капитану корабля. — Будь я обыкновенным доктором, я сидел бы себе в удобном кабинете, ходил бы в больницу, а теперь я должен мотаться по свету. И вообще быть съеденным в моём возрасте — вещь очень неприятная.

Зато капитан становился всё веселей. Он вспоминал, как убежал из родительского дома в Иностранный легион и сражался с неграми. Он был тогда молодым и весёлым парнем.

Больше всех радовался Фелек.

— Когда ты ехал к белым королям, ты меня не взял с собой, взял только капитанских кукулят. А как пришлось ехать к людоедам, они тебя бросили, а Фелек поезжай!

— Но, Фелек, — оправдывался смущённый Матиуш, — ты не был приглашён, а этикет предписывает брать только приглашённых. Стасек и Еленка тоже хотели ехать со мной, только им мама не разрешила.

— Я не сержусь, — сказал Фелек.

Прибыли в порт, сошли с корабля и ещё два дня ехали по железной дороге. Тут уже росли пальмы, бананы и разные деревья, финиковые и фиговые, и Матиуш всё

время восхищённо вскрикивал. А негритянский князь только улыбался, и его белые зубы при этом так сверкали, что даже становилось страшно.

— Это ещё не африканский лес, вы ещё увидите, что такое настоящий лес.

Но вместо леса они увидели пустыню. Ничего вокруг, только песок и песок. Как в море вода, так здесь песок.

В последней деревне был и ещё небольшой отряд белых солдат и несколько магазинов, принадлежащих белым. Им было сказано, что это путешественники, которые направляются в страну людоедов.

— Ну что ж, хотите, так поезжайте, — сказал командир отряда. — Много было таких, которые туда ехали, но мы что-то не помним, чтобы кто-нибудь возвращался.

— А может быть, нам удастся, — сказал Матиуш.

— Попробуйте, но чтобы после вы не имели ко мне претензий, что я вас не предупреждал. Это очень дикие люди, те, к которым вы едете.

Негритянский князь купил трёх верблюдов и поехал вперёд, чтобы всё приготовить, а им велел ждать, когда он вернётся.

— Слушайте, — сказал офицер белого гарнизона, — вы меня не проведёте, я тёртый калач. Вы не простые путешественники. Едут с вами два каких-то маленьких мальчика, какой-то старичок. И этот дикарь, который с вами приехал, должно быть, какая-то важная персона. У него в носу такая ракушка, какую может носить только тот, кто принадлежит к королевской семье.

Ну, видят они, скрывать нечего, и всё ему рассказали.

Этот офицер уже слышал о Матиуше, так как раз в несколько месяцев в гарнизон вместе с почтой доставляли газеты.

— Да, тогда другое дело. Может быть, вам удастся. Надо сказать правду, они очень гостеприимны, и говорю наперёд: или вы совсем не вернётесь, или получите уйму подарков. У них столько золота и брильянтов, что они не знают, куда их девать, и за каждую чепуху — за мешочек пороха, зеркальце или трубку — дают несколько горстей золота.

Путешественники приободрились. Старый профессор весь день лежал на солнце, потому что доктор сказал, что это очень полезно для его больных ног. Вечером он ходил в негритянские шалаши и там разговаривал и записывал новые выражения, которых наука ещё не знала.

Фелек так объедался фруктами, что доктор должен был дать ему из своей аптечки ложку касторки. А англичанин с французом время от времени брали Матиуша на охоту. Матиуш научился ездить на верблюдах. Это было очень приятно.

23

Однажды ночью вбегает в их палатку перепуганный негр-слуга и громко кричит, что на них наступило нападение — их предали!

— Ой, я несчастный, пошёл в услужение к белым! Мои мне этого не простят, они меня убьют! Ой, я несчастный, что мне делать?

Все вскочили со своих походных кроватей, хватают оружие, у кого какое было, — и ждут.

Ночь тёмная. Ничего не видно. Только откуда-то издалека, из пустыни, приближается какой-то шум, точно движется большая толпа. Странно, что из гарнизона

белых никто не стреляет и не видно никакого замешательства.

Начальник гарнизона хорошо знал обычаи диких племён и сразу догадался, что это не нападение, он только не мог понять, что это такое, и выслал гонца, чтобы тот всё разузнал.

Оказалось, что это шёл караван за королём Матиушем.

Впереди — королевский верблюд, огромный, с изящной беседкой на спине. За ним шествовали сто красиво украшенных верблюдов и огромный отряд пеших негритянских воинов, составляющих боевую стражу каравана.

И что бы было, если бы офицер гарнизона не был таким опытным!

Он мог бы начать стрелять, и это было бы ужасно. Матиуш сердечно его поблагодарил за то, что он так умно распорядился, и дал ему орден. На другой же день, рано утром, они отправились в дорогу.

Путешествие было трудным. Стояла нестерпимая жара. Негры к ней привыкли, но белым было трудно дышать.

Матиуш сидел в своей беседке. Два негра обмахивали его большими опахалами из страусовых перьев. Караван шёл медленно, а проводник беспокойно оглядывался вокруг, не идёт ли на них смерч. Потому что тогда начинается ужасный ветер, который осыпает путешественников раскалённым песком. Бывали случаи, когда засыпало песком целый караван и все погибали.

В течение всего дня путешественники молчали и только по вечерам, когда становилось прохладнее, чувствовали себя немного лучше. Доктор давал Матиушу какие-

то охлаждающие порошки, но это не очень-то помогало. Матиуш был закалён войной, ему пришлось пережить не одну тяжёлую минуту, но это жаркое путешествие было самым трудным из всего, что ему пришлось испытать. У него болела голова, губы потрескались, язык сделался сухой, как дерево. Матиуш загорел и похудел, глаза от белого сверкающего песка покраснели и воспалились, а на коже появились красные пятна, которые страшно чесались. Спал он плохо, по ночам его мучили кошмары: то ему снилось, что его съедают людоеды, то что его сжигают на костре. Ах, насколько приятнее вода в сравнении с песком, как приятно плыть на корабле! Но что делать, возвращаться нельзя, ведь над ним стали бы смеяться.

Дважды караван останавливался в оазисах. Какое это было счастье — смотреть на зелёные деревья и пить холодную воду, а не противную, тёплую и вонючую — из кожаных мешков.

В первом оазисе они отдыхали два дня, но во втором должны были просидеть пять дней, потому что верблюды так устали, что не могли идти дальше.

— Ещё только четыре восхода и четыре захода солнца проведём в пустыне и будем дома! — радовался негритянский князь.

За эти пять дней все хорошо отдохнули. Накануне отъезда негры почувствовали себя настолько окрепшими, что разожгли костры и начали плясать дикий военный танец.

Последние четыре дня путешествия уже не были такими трудными, потому что пустыня кончалась и песок не был такой горячий. Уже попадались то тут, то там колючие кустики, и даже встречались люди.

Матиуш хотел познакомиться с этими людьми, но ему не позволили, так как это были разбойники. Они не тронули караван потому, что он был большой, а они нападали только на небольшие группы людей.

Наконец-то! Вдалеке показался лес, потянуло прохладой. Путешествие окончилось. Что же их ожидает? Они избежали смерти в горячих песках, но, может быть, теперь погибнут от руки диких негров?

Начало было отличное. Король людоедов выехал на встречу со всем своим двором. Впереди шёл оркестр, но он был такой ужасный, что чуть не лопнули барабанные перепонки. Вместо труб были какие-то рога и пищалки, вместо барабанов — какие-то котлы. Шум был невообразимый; к тому же негры орали так страшно, что после тишины пустыни можно было сойти с ума.

Приём начался с богослужения. Была принесена деревянная колода, на которой были вырезаны какие-то ужасные изображения зверей. На лице у жреца тоже была страшная маска. Снова что-то рычали, и переводчик объяснил, что это король людоедов поручает Матиуша милости своих богов. Когда по окончании богослужения Матиуш сошёл со своего слона, король и все его сыновья начали кувыркаться через голову и подпрыгивать, и это продолжалось полчаса, после чего король обратился к Матиушу с такой речью:

— Мой белый друг, благодарю тебя, что ты приехал. Я самый счастливый человек на свете, что могу тебя созерцать. Прошу тебя и умоляю, дай знак рукой, что ты согласен, и я тотчас же погружу это копье в своё сердце и удостоюсь наивысшей чести — быть съеденным своим дорогим гостем.

Сказав это, он приложил остриё длинного копья к своей груди и стал ждать. Матиуш сказал через переводчика, что ни в коем случае не согласен на это, что хочет с ним дружить, разговаривать и играть и вовсе не желает его есть.

Тогда король, его двести жён и все чёрные дети начали громко плакать, ходить на четвереньках и с печальным видом кувыркаться через голову в знак того, что ими пренебрегает их белый друг, что он их не любит, раз не хочет их есть и, может быть, не верит, что они вкусные и пригодные для еды.

Матиушу ужасно хотелось смеяться над этими странными обычаями, но он принял серьёзный вид и ничего не говорил.

Рассказывать подробно, что Матиуш видел и делал при дворе короля людоедов, нет никакой надобности, потому что всё это описал учёный профессор в толстой книге под заглавием: «Сорок девять дней в дикой стране людоедов при дворе короля Бум-Друма».

Бедный король Бум-Друм старался изо всех сил, чтобы сделать пребывание Матиуша при своём дворе приятным, но его игры и развлечения были такие дикие, что Матиуш только смотрел на них с любопытством, а иногда ему даже было неприятно.

От многих развлечений и забав Матиуш вовсе отказался.

Например, у Бум-Друма было старое ружьё, которое торжественно вынули из сокровищницы и дали Матиушу, чтобы он выстрелил из него в цель: в старшую дочь Бум-Друма. Матиуш отказался стрелять, и Бум-Друм обиделся. Снова все начали кувыркаться с печальным видом. А что хуже всего, обиделся жрец.

— Он притворяется нашим другом, а не хочет с нами брататься, — сказал жрец. — Я знаю, что мне делать.

И вечером в раковину, из которой Матиуш пил вино, он налил потихоньку яд. Это был страшный яд, тому, кто его выпивал, тотчас же всё начинало казаться красным, потом голубым, потом зелёным, потом чёрным, и тут он умирал.

И вот сидит Матиуш как ни в чём не бывало в королевском шатре на золотом кресле за золотым столом и говорит:

— Почему это всё стало красным? И людоеды красные, и всё вокруг красное.

Только услышал это доктор, как тут же вскочил и стал в отчаянии размахивать руками: он читал в книжках о таком яде и помнил, там было написано, что от всех африканских болезней есть лекарство, а от него нет. У доктора не было средства помочь.

А Матиуш, ничего не подозревая, весело говорит:

— А теперь всё стало голубым, как красиво!

— Профессор, — крикнул доктор, — скажите этим дикарям, что Матиуша отравили!

Профессор быстро перевёл. Король людоедов схватился за голову, жалобно перекувырнулся и вылетел из шатра как стрела.

— На, пей, белый друг! — крикнул он, подавая Матиушу в миске из слоновой кости какой-то напиток, невероятно горький.

— Какая гадость! Не хочу! — крикнул Матиуш. — Ох, как у меня зелено в глазах! И золотой стол — зелёный, и доктор — зелёный...

Бум-Друм подхватил Матиуша, положил на стол, вложил ему между зубами стрелу из слоновой кости и силой влил в рот горький напиток.

Матиуш вырывался, плевался, но проглотил и был спасён.

Действительно, у него перед глазами уже начали вертеться чёрные круги. Но их было только шесть, а остальные все были еще зелёные. И Матиуш остался жив и только спал трое суток, не просыпаясь.

24

Старшему жрецу людоедов было очень стыдно, что он хотел отравить Матиуша. Но Матиуш его простил. И в награду жрец обещал показать ему интереснейшие магические фокусы, которые он мог показывать только три раза в жизни.

Все уселись перед шатром, перед ними разложили тигровые шкуры, и чернокнижник начал свои фокусы. Среди них было много таких, которых Матиуш не понимал. Некоторые ему объяснили.

Например, жрец вынул из коробки какого-то маленького зверька и положил его на руку. Этот зверёк, что-то вроде маленькой змейки, обвился вокруг его пальца, высунул тонкий как нитка язычок, издал странное шипение и, присосавшись, как пиявка к пальцу, стал хвостом кверху. Жрец оторвал его и показал на пальце каплю крови. Матиуш видел, что дикари смотрят на этот фокус, как на самое большое искусство, хотя были другие фокусы, гораздо интереснее. Тогда Матиушу объяснили, что этот зверёк — одно из самых опасных созданий, страшнее леопарда и гиены, потому что от его укуса через секунду наступает смерть.

Потом жрец входил в огонь, и огонь вылетал у него изо рта и из носа.

Потом он играл на пищалке, а сорок девять громадных змей танцевали. Потом он начал дуть на громадную пальму, которой было сто лет, и эта пальма начала медленно гнуться и гнулась до тех пор, пока не сломалась. Потом он провёл в воздухе палочкой линию между двумя деревьями и прошёл по ней, как по доске. Потом взял маленького мальчика, отрезал ему мечом голову, положил в коробку и начал плясать вокруг коробки дикий танец. А когда пнул её ногой, в коробке кто-то начал играть на пищалке. Жрец открыл коробку, и там как ни в чём не бывало лежал этот мальчик. И потом он вышел из коробки и начал делать гимнастику.

И Матиуш подумал, что стоило быть отравленным, чтобы увидеть столько фокусов.

Матиуш объехал всю страну своего странного друга. Он много путешествовал на верблюдах и на слонах. В огромных красивых лесах он видел много негритянских деревень. Каменных домов там совсем не было, только шалаши. В шалашах было очень грязно, животные и люди жили там вместе. Много было больных. А ведь так легко было их вылечить! Доктор давал неграм лекарства, и они были ему очень благодарны. Матиушу было очень жаль этих бедных людей, которые были так к нему добры.

Почему же они не построят железную дорогу, не проведут электричество, почему у них нет кино, почему не построят себе удобные дома, почему не купят ружья, чтобы защищаться от диких зверей? Ведь у них столько золота и брильянтов, что дети играют ими, как стёклышками.

Бедные негры мучаются потому, что белые братья не хотят им помочь и боятся их. И Матиушу пришла в голо-

ву мысль, что, как только он вернётся домой, он сейчас же напишет в газету, что те, кто не может найти работу, могут ехать работать к неграм, строить им каменные дома и железные дороги.

Матиуш думал, как помочь людоедам. Но он думал и о том, чтобы достать деньги на свои реформы.

Как раз они осматривали место добычи золота, и Матиуш попросил короля Бум-Друма, чтобы тот одолжил ему немного золота. Бум-Друм рассмеялся: ему золото совсем не нужно, он может дать Матиушу столько, сколько его верблюды смогут увезти.

— Я своему другу должен одолжить? Нет, белый друг может брать всё, что ему нравится. Бум-Друм любит маленького белого друга и хочет ему служить до конца жизни.

Когда Матиуш уже готовился в дорогу, король людоедов устроил большой праздник дружбы. Матиушу было жаль оставлять своих друзей. Он решил убедить иностранных королей, что людоеды хотя и дикие, но очень хорошие люди. Было бы хорошо, если бы все короли с ними подружились и помогли им. Но чтобы сделать это, нужно было ввести одну реформу: отучить негров быть людоедами.

— Брат Бум-Друм, — сказал Матиуш, когда они беседовали в последний вечер. — Я тебя очень прошу, перестань быть людоедом.

Матиуш долго объяснял, что нехорошо есть людей, что Бум-Друм обязательно должен ввести реформу, запрещающую это делать, тогда сюда приедут много белых, которые помогут навести им порядок, и неграм будет приятно жить в их прекрасной стране.

Бум-Друм печально выслушал Матиуша и ответил, что однажды один король уже хотел так сделать, но его за это отравили, что это очень трудная реформа, но что он ещё подумает. После этой беседы Матиуш вышел ненадолго прогуляться в лес. Светила луна. Было красиво и тихо. Вдруг Матиуш услышал какой-то шорох.

Что бы это могло быть? Какая-нибудь змея или тигр? Он продолжал идти и снова услышал шорох: кто-то за ним идёт. Матиуш вынул револьвер и стал ждать.

Это оказалась маленькая негритянка, дочь короля людоедов, весёлая Клю-Клю. Матиуш узнал её, потому что луна ярко светила, и очень удивился.

— Чего ты хочешь, Клю-Клю? — спросил Матиуш по-негритянски. Он уже научился немного говорить на их языке.

— Клю-Клю кики рец — Клю-Клю кин брум.

Она долго ещё что-то говорила, но Матиуш ничего не понял. Запомнил только одно:

— Кики, рец, брум, буз, кин.

Клю-Клю была очень печальна и плакала; Матиушу стало жаль маленькую Клю-Клю: наверно, у неё какие-то неприятности. Он дал ей свои часы, зеркальце и хорошенький флакончик, но Клю-Клю не перестала плакать. Что же это означало?

Только когда Матиуш вернулся, профессор перевёл ему слова Клю-Клю; они означали, что Клю-Клю очень любит Матиуша и хочет вместе с ним ехать.

Матиуш попросил профессора, чтобы он объяснил Клю-Клю, что она не может ехать одна, что её папочку, короля Бум-Друма, возможно, пригласят в Европу, и тогда, наверно, она сможет приехать с ним.

И Матиуш уже больше не думал о маленькой Ключу, тем более, что перед отъездом было очень много дел. На пятьсот верблюдов были погружены ящики с золотом и драгоценными камнями, фрукты и напитки, а также всевозможные африканские деликатесы, вина и сигары в подарок министрам. Он договорился, что через три месяца прийдёт клетки для отправки в его зоологический сад диких зверей, и предупредил, что, может быть, прийдёт самолётом разные вещи, так что пусть не пугаются, если прилетит белый человек на большой птице из железа. Рано утром они сели на верблюдов и отправились в путь. Дорога была трудная, но все были закалены, так что на обратном пути пустыня их утомила гораздо меньше.

25

Тем временем министры Матиуша составили конституцию и стали ждать. Ждут, ждут, а Матиуш всё не возвращается. Куда пропал, неизвестно. Кораблём добрался до Африки, по железной дороге доехал до последнего негритянского селения, находящегося у самой пустыни. Там он со своими спутниками жил в палатках, и офицер белого гарнизона разговаривал с ними. Потом пришли верблюды от короля людоедов, а что было дальше, никто не знал.

И вдруг приходит телеграмма, что король Матиуш жив, что он уже сел на корабль и возвращается домой.

— Матиушу всё сходит с рук, — говорили с завистью иностранные короли.

— Счастливый этот Матиуш, — говорили министры и тяжело вздыхали, так как понимали, что если им было

трудно справиться с Матиушем, когда он вернулся с войны, то насколько же труднее будет сейчас, когда он возвратится из страны людоедов.

— Когда Матиуш вернулся с войны, он посадил нас в тюрьму, а сейчас кто знает, чему он там научился, ещё, чего доброго, съест.

А Матиуш возвращался очень довольный своей поездкой. Он загорел, вырос, у него был прекрасный аппетит. Не зная, о чём говорили между собой министры, он решил пошутить. Когда собрались на королевский совет, король Матиуш спросил:

— Железные дороги исправлены?

— Исправлены, — говорит министр.

— Это хорошо, а то иначе я бы приказал сварить вас в крокодиловом соусе. А новых фабрик много построено?

— Много, — говорит министр промышленности.

— Это хорошо, потому что иначе я сделал бы из вас жаркое, начинённое бананами.

У министров были такие испуганные лица, что Матиуш расхохотался.

— Господа, — сказал он, — вы не должны меня бояться. Не только я сам не стал людоедом, но, надеюсь, мне удастся убедить и моего друга Бум-Друма, чтобы он оставил свой дикий обычай есть людей.

И тут Матиуш начал рассказывать о своих приключениях, и министры наверно сочли бы всё это за выдумку, если бы вместе с Матиушем не прибыл целый поезд золота, серебра и драгоценных камней. Они совсем перестали хмуриться, когда Матиуш раздал им подарки короля Бум-Друма: отличные сигары и великолепные африканские вина.

Быстро был прочитан манифест, где Матиуш призывал к управлению весь народ. Отныне в газетах всегда будут писать, что министры и король собираются сделать, потом каждый может написать или сказать в парламенте, нравится это ему или нет. И весь народ, наконец, скажет, хочет ли он, чтобы министры делали так или нет.

— Ну, хорошо, — сказал Матиуш, — а теперь прошу записать, что я хочу сделать для детей. Теперь у меня уже есть деньги, и я могу заняться детьми. Итак, каждый ребёнок получает на лето два мяча, а на зиму — коньки. Каждый ребёнок каждый день после школы получает одну конфету и одно пирожное. Девочки будут ежегодно получать куклы, а мальчики — перочинные ножи. Качели и карусели должны быть во всех школах. Кроме того, в магазинах к каждой книжке, к каждой тетради должны давать в придачу красивые цветные картинки. Это только начало, потому что я думаю ввести ещё много других реформ. Пожалуйста, сосчитайте, сколько это будет стоить и сколько понадобится времени, чтобы всё сделать. Через неделю прошу дать мне ответ.

Можно себе представить, какая радость была в школах, когда об этом узнали дети. Уже то, что Матиуш давал, было много, а ведь писали, что это только начало и будет гораздо больше.

Кто умел писать, написал королю Матиушу, что просит ещё то-то и то-то. В королевскую канцелярию приходили целые мешки детских писем. Секретарь вскрывал письма, читал и выбрасывал. Так всегда делалось при королевских дворах. Но Матиуш об этом не знал.

Однажды он увидел, как лакей несёт корзину с бумагами на королевскую помойку.

«Может быть, там есть какая-нибудь редкая марка», — подумал Матиуш; он собирал марки, у него даже был целый альбом.

— Что это за бумаги и конверты? — Посмотрел Матиуш, а это всё письма к нему!

Он тут же приказал принести эти письма в свою комнату и вызвал секретаря.

— Что это за бумаги, господин секретарь? — спросил его Матиуш.

— Это ничего не значащие письма вашему королевскому величеству.

— И вы приказываете их выбрасывать?

— Так всегда делалось.

— Плохо делалось! — вспыхнул Матиуш. — Если письмо написано мне, то я один могу знать, важно это письмо или нет. Прошу моих писем не читать, а отсылать прямо мне. А я уж буду знать, что с ними делать.

— Ваше величество, королям приходит очень много всяких писем, а если бы узнали, что короли их читают, то накопились бы такие груды писем, что нельзя было бы справиться. И так десять служащих ничего другого не делают, только читают письма и отбирают те, которые находят важными.

— А какие письма важные? — спрашивает Матиуш.

— Важные все письма от иностранных королей, от различных фабрикантов, от великих писателей.

— А какие не важные?

— Вашему королевскому величеству больше всего пишут дети. Что кому придёт в голову, садится и пишет. А у некоторых такие каракули, что даже прочесть трудно.

— Ну, хорошо: если вам трудно читать письма детей, я сам буду их читать, а этих служащих можете перевести на другую работу. Я тоже ребёнок, если вы хотите знать, а выиграл войну с тремя взрослыми королями и совершил путешествие, на которое никто не мог отважиться.

Королевский секретарь ничего не ответил, только низко поклонился и вышел. А Матиуш принялся читать.

У короля Матиуша был такой характер, что когда он за что-нибудь брался, то делал это с жаром. Час проходил за часом, а Матиуш всё читал и читал.

Уже несколько раз церемониймейстер заглядывал в замочную скважину королевского кабинета, чтобы узнать, что там делает Матиуш, почему он не идёт обедать? Но, видя короля, склонённого над бумагами, боялся войти. Матиуш быстро убедился, что один он не справится. Некоторые письма были написаны очень неясно, эти Матиуш стал сразу же откладывать. Но были очень красиво написанные и очень интересные письма. Какой-то мальчик написал Матиушу, что он сделает, когда получит коньки. Другой сообщал, какие у него красивые голуби и кролики и что он хочет двух голубей и одного кролика подарить королю Матиушу, но не знает, как это сделать. Одна девочка сочинила стишок о короле Матиуше и прислала ему этот стишок с красивым рисунком. Много писем было с рисунками. Один мальчик прислал Матиушу в подарок целый альбом под названием «Король Матиуш в стране людоедов», рисунки были не очень похожи, но такие красивые, что Матиуш с удовольствием их рассматривал.

Но больше всего было писем с просьбами. Один просил пони, другой — велосипед, третий — фотографи-

ческий аппарат, четвёртый спрашивал, нельзя ли было бы вместо мячика получить настоящий футбольный мяч. Одна девочка писала, что её мама больна, что они бедные и не могут купить лекарства. Какой-то мальчик писал, что у него нет ботинок и он не может ходить в школу; он даже прислал свой табель, чтобы Матиуш видел, что учится он хорошо, только у него нет ботинок.

«Может быть, лучше вместо кукол и мячей выдавать детям ботинки?» — подумал Матиуш: он ещё на войне научился ценить сапоги.

Долго читал Матиуш и вдруг почувствовал, что ужасно проголодался. Он позвонил и попросил принести ему ужин в кабинет, потому что у него нет времени, у него срочная работа.

Матиуш сидел над письмами до поздней ночи. Снова церемониймейстер заглядывал в замочную скважину — почему король не идёт спать? И ему, и всем лакеям очень хотелось спать, но они не могли лечь спать раньше короля. Письма с просьбами Матиуш складывал отдельно.

«Ведь нельзя же оставить без лекарства мать этой девочки. Нельзя не дать ботинок прилежному ученику».

У Матиуша уже глаза заболели от чтения. Он уже отбрасывал, не читая, все письма, неясно написанные. Но и это было неправильно. Ещё так недавно Матиуш сам писал неясно, однако подписывал важные бумаги. У какого-нибудь ребёнка может быть к нему важное дело, и пишет он так, как умеет, и не виноват, что ещё не умеет хорошо писать.

«Эти служащие, — подумал Матиуш, — могут мне переписывать начисто неясно написанные письма».

Но когда прошло ещё несколько часов, а на столе всё ещё лежало писем двести, если не больше, Матиуш понял, что он не справится.

«Пожалуй, завтра кончу», — подумал Матиуш и очень печальный направился в королевскую спальню.

Матиуш понимал, что дело плохо. Если ежедневно он будет читать столько писем, то ни на что другое у него не останется времени. А бросать письма в мусорную яму — это ужасное свинство. Но почему их так много?

26

На другой день Матиуш встал очень рано, выпил только стакан молока и направился в свой кабинет. Уроков не было, и он читал письма до самого обеда. Он был такой усталый, как после трудного военного похода или путешествия по пустыне. И когда, голодный, он мечтал об обеде, в кабинет вошёл государственный секретарь, а за ним ещё четверо.

— Сегодняшняя корреспонденция вашего королевского величества, — сказал секретарь.

Матиушу показалось, что секретарь усмехнулся. Это так его рассердило, что он топнул ногой и крикнул:

— Что это такое, сто людоедов и один крокодил! Вы хотите, чтобы я ослеп?! Ведь такого мешка писем ни один король не может прочесть. Как вы смеете шутить над королём? Я вас посажу в тюрьму.

Но чем больше Матиуш кричал, тем больше понимал, что неправ, только ему не хотелось в этом признаться.

— Ваши служащие — дармоеды, они ничего не желают делать! Умеют только бросать письма в мусорную яму или давать мне для прочтения.

По счастью, в эту минуту вошёл старший министр и приказал унести мешок с письмами, а секретарю велел подождать в соседней комнате, пока он поговорит с королём о том, как быть с королевской корреспонденцией.

— Господин старший министр, я не могу разрешить, чтобы письма, написанные мне, выбрасывались непрочитанными на помойку. Разве я не должен знать, в чём нуждаются дети моей страны? Разве хорошо, что мальчик из-за того, что у него нет ботинок, не может ходить в школу? Это несправедливо, и я очень удивляюсь, что министр юстиции допускает такие вещи. Правда, мой друг король Бум-Друм тоже ходит без ботинок, но у них жаркий климат, и они ещё дикари.

Долго продолжалось совещание короля Матиуша со старшим министром. Вызывали и секретаря, который в течение двадцати лет просматривал адресованные королю-отцу и даже ещё королю-деду письма и имел большой опыт.

— Ваше королевское величество, при жизни короля-деда ежедневно приходило сто писем. Это были хорошие времена. Во всём государстве тогда умели писать только сто тысяч жителей. С того времени, как король Павел Разумный построил школы, научились писать два миллиона жителей. И тогда стало приходиться ежедневно от шестисот до тысячи писем. Я один уже не мог справиться и взял пять помощников. А когда милостивый наш ныне правящий король Матиуш подарил дочке капитана пожарной охраны куклу, начали писать письма дети. Мы ежедневно получаем от пяти до десяти тысяч писем. Больше всего писем приходит по понедельникам, потому что в воскресенье дети не ходят в школу и у них

много свободного времени, а так как они любят короля, они ему пишут. Я хотел просить разрешения взять ещё пять служащих, так как мои пять помощников не могут справиться, но...

— Знаю, знаю, — сказал Матиуш. — Но что за польза от чтения, если потом эти письма идут на помойку?

— Письма должны быть прочитаны, так как есть книга, в которую вносится каждое письмо под номером и, если можно его прочесть, записывается — кто о чём пишет.

Матиуш хотел увериться, правду ли говорит секретарь, и спросил:

— А среди вчерашних писем, которые лакей нёс на помойку, была просьба о ботинках?

— Не помню, но это можно проверить.

Двое служащих принесли огромную книгу, и там действительно под номером 47 358 624 137 были записаны имя, фамилия и адрес того мальчика, а в графе содержания письма было записано: просьба о ботинках, чтобы ходить в школу.

— Я служу в течение двадцати лет, и в моей канцелярии всегда был порядок.

Матиуш был справедлив. Он подал секретарю руку и сказал:

— Сердечно вас благодарю.

Тогда придумали такой способ.

Письма будут прочитываться, как это делалось до сих пор, служащими. Наиболее интересные письма будут отбираться для Матиуша, но чтобы писем было не больше ста. Письма с просьбами будут прочитаны отдельно, и двое служащих будут проверять, правда ли то, что в них написано.

— Этот мальчик пишет, что ему очень нужны ботинки. А может быть, он лжёт. Король пошлёт ему ботинки, а он, может быть, их продаст и купит себе разную чепуху.

Матиуш должен был признать, что это соображение разумно. Он помнил, как на войне в их отряде был один солдат, который продавал сапоги и покупал водку, а потом снова приходил за сапогами, уверяя, что они у него разорвались.

Очень жаль, что людям нельзя верить, но что поделаешь?

— Можно сделать так: когда служащие удостоверятся, что это правда, королевская канцелярия вызовет ребёнка на аудиенцию, и ваше величество вручит ему лично то, о чём он просил.

«Это хорошая мысль, — подумал Матиуш. — Я хочу принимать во время аудиенций не только иностранных послов и министров, но и детей».

Итак, теперь Матиуш знал, что ему как королю детей, следует делать. Утром до двенадцати у него будут уроки. В двенадцать королевский завтрак. Потом час аудиенции для послов и министров; потом, до обеда, чтение писем. После обеда аудиенция для детей, потом заседание с министрами до самого ужина. А потом спать.

Когда план дня был составлен, Матиушу стало грустно. Ведь ни одного часочка не оставалось у него на игры. Но что делать? Он — король, хоть и маленький, а король должен заботиться не о себе, а обо всех.

Может быть, немного позже, когда он даст всем то, что им нужно, у Матиуша будет и для себя немного свободного времени.

«Ведь я же путешествовал. Видел столько интересного, был месяц на море, был в стране людоедов, те-

перь могу уже не развлекаться, а взяться за королевскую работу».

Сказано — сделано.

Утром Матиуш учился, потом ему читали письма. Читал служащий очень быстро, а так как долго сидеть на одном месте Матиушу было трудно, он слушал, расхаживая по кабинету с заложенными за спину руками. Доктор посоветовал, чтобы в те дни, когда тепло и хорошая погода, чтение писем происходило в королевском саду. И это было приятно.

Аудиенции были очень многолюдны. Приходили иностранные послы спрашивать, когда соберёт Матиуш первый парламент, потому что они хотят приехать и посмотреть, как народ начнёт управлять. Приходили министры с фабрикантами, которые брались построить качели и карусели во всём государстве, спросить короля, как он желает, чтобы это было сделано. То приезжали со всего света разные люди — объявить, что их короли хотят жить в дружбе с королём Матиушем.

Если король Матиуш дружит с Бум-Друмом, королём людоедов, то, наверно, и ими не пренебрежёт, потому что хоть они и дикари, но уже перестали есть людей.

— У нас уже тридцать лет не едят людей, — говорит один.

— У нас последнего человека съели сорок лет тому назад. И это был исключительный случай. Он был большой лентяй, притом шалопай, так что от него никакой пользы не было. А так как он был жирный, то, когда его пятый раз судили за то, что он ничего не хочет делать, все единогласно решили, что его надо съесть.

Король Матиуш был теперь уже более осторожен, сам ничего не обещал, велел всё записывать, что они гово-

рили, и сказал, чтобы пришли за ответом через неделю, потому что он должен посоветоваться с министром иностранных дел, что вообще всё выяснится только на совещании совета министров.

Аудиенции для детей были очень приятными. В тронный зал по очереди впускали мальчиков и девочек, и Матиуш вручал им то, о чём они просили в письмах. Каждый ребёнок имел свой номер, и на приготовленном пакете стоял тот же самый номер. Потому что никого не пускали на аудиенцию, пока служащий не удостоверился, что то, о чем просят, действительно необходимо, и пока по приказу Матиуша это не было куплено в магазине. Таким образом, был образцовый порядок, и каждый уходил довольный.

Один получил тёплое пальто, другой книжки, которые были нужны для занятий, а купить их было не на что. Кто хорошо рисовал, получал краски. Один мальчик очень просил скрипку, потому что давно уже играл на губной гармонике, и это ему надоело. Он даже сыграл Матиушу на гармонике и очень обрадовался, когда получил новую скрипку в красивом футляре.

Иногда дети на аудиенции просили что-нибудь новое, о чём не писали в письме, и это Матиуша очень сердило.

Одна девочка, которой Матиуш дал новое платье на свадьбу тёти, попросила куклу до самого неба.

— Ты глупая, — сказал Матиуш, — а если будешь слишком много хотеть, то не получишь и платья.

Вообще Матиуш теперь был уже опытным королём, и одурачить его было не так легко, как раньше.

Однажды, во время послеобеденной аудиенции, Матиуш услышал какой-то необычный шум в приёмной. Сначала он не удивился, потому что дети, освоившись, сидели в ожидании аудиенции не так уж тихо. Но этот шум был иной. Казалось, кто-то ссорился. Матиуш послал лакея узнать, что там происходит. Лакей вернулся и доложил, что какой-то взрослый упорно требует, чтобы его пропустили к королю. Это заинтересовало Матиуша, и он приказал его впустить.

Вошёл длинноволосый молодой господин с портфелем под мышкой и, даже не поклонившись, начал громко говорить:

— Ваше королевское величество, я журналист, это значит, что я пишу в газеты. Вот уже месяц я стараюсь попасть на аудиенцию, но меня не пускают. Мне говорят «завтра», но завтра снова говорят, что король устал, и опять велют прийти завтра. Сегодня я притворился, будто я отец одного из детей; думал, что так скорее попаду. Но лакеи меня узнали и не захотели впустить. А у меня очень важное дело и даже несколько дел, и я уверен, что ваше величество пожелает меня выслушать.

— Хорошо, — сказал Матиуш, — подождите, пока я закончу с детьми, потому что это их часы, а потом я поговорю с вами.

— А не позволите ли вы, ваше величество, остаться мне в тронном зале? Я не буду мешать. А завтра я напишу в газеты, как происходит аудиенция у короля, это очень интересно для тех, кто читает газеты.

Матиуш приказал дать журналисту стул, тот сел и всё время что-то записывал в свой блокнот.

— Пожалуйста, говорите, — сказал Матиуш, когда последний мальчик вышел из тронного зала.

— Король, — начал журналист, — я не отниму много времени.

Но вопреки этому заявлению журналист говорил очень долго и интересно. Матиуш слушал внимательно и, наконец, прервал:

— Я вижу, дело действительно важное. Я приглашаю вас поужинать со мной, а потом мы пройдем в кабинет, и вы закончите.

До одиннадцати часов говорил журналист, и Матиуш ходил по кабинету, заложив за спину руки, и внимательно слушал. Матиуш впервые видел человека, который пишет в газеты, и должен был признать, что это умный человек и, хотя и взрослый, совершенно не похож на его министров.

— Вы только пишете или также рисуете?

— Нет, в редакции каждой газеты есть люди, которые пишут, и другие, которые рисуют. Если бы вы, ваше величество, пожелали посетить нашу газету, мы были бы счастливы.

Матиуш давно уже не выезжал из дворца, так что охотно воспользовался приглашением и на завтра же поехал в редакцию.

Это был большой дом, украшенный в честь Матиуша флагами, коврами и цветами. На первом этаже стояли огромные машины, на которых печатали газету. Выше была контора, откуда газеты посылали на почту и продавали.

Ещё выше была редакция, где за столами сидели люди, которые писали то, что тотчас же внизу печатали.

Сюда приносили телеграммы со всего света, звонил телефон, бегали перемазанные мальчики и несли испи-санную бумагу в типографию, там писали, тут рисовали, там гудела машина. Совсем как на войне во время на-ступления. На серебряном подносе подали Матиушу свежую газету, где была его фотография, изображавшая, как во время аудиенции он принимает детей. И было напечатано, что говорили дети Матиушу и что Матиуш им отвечал.

Матиуш целых два часа провёл в редакции, и ему всё очень понравилось, особенно же то, что здесь всё так быстро делается. Теперь он не удивлялся, что в газете написано обо всём, что случилось: какие были пожары, какие кражи, кто попал под машину и что делают короли и министры во всём мире. Журналист был прав, газеты знают всё.

— А почему вы не знали тогда, что я удрал на фронт, а тут была только фарфоровая кукла?

— О, мы прекрасно это знали, но мы не всё пишем. В газетах пишется только то, что нужно, а остальное мы знаем только для себя. Народ не должен знать всего, и за границей обо многом не должны знать.

Вечером Матиуш снова долго разговаривал с журна-листом. Значит, так.

Всё, что делает Матиуш, это не реформа. Матиуш не реформатор, но может им стать. Матиуш хочет сделать так, чтобы управлял весь народ. Тогда надо сделать два парламента: в одном будут управлять взрослые, в дру-гом — дети. Пусть дети также выберут своих депутатов и пусть скажут, что они предпочитают — шоколад, кук-лы, перочинные ножи или что-нибудь другое. Может быть, они предпочтут конфеты, а может быть, ботинки,

а может быть, захотят получать деньгами, и каждый купит себе то, что ему нравится.

Дети, так же, как и взрослые, должны иметь свою газету, и чтобы она выходила ежедневно. В эту газету они должны писать, что они просят короля для них сделать, а не так, чтобы король делал то, что придёт ему в голову. Потому что король не может знать, кто чего хочет, не может знать всего, а газета всё знает. Например, тогда не все дети получили шоколад, потому что в деревнях чиновники сами его съели, и дети даже не знали, что им полагается шоколад, и всё потому, что у них нет своей газеты.

Это было для Матиуша так ясно, что ему казалось, что он сам давно уже об этом думал. Четыре вечера подряд он советовался с журналистом, всё обдумал и на ближайшем совете министров попросил слова.

— Господа министры! — начал Матиуш и выпил воды, так как собирался говорить долго. — Мы решили, что управлять страной должен весь народ, чтобы весь народ мог сказать, что ему нужно. Но вы забыли, господа, что народ — это не только взрослые, но также и дети. У нас несколько миллионов детей, и они тоже должны управлять. Пусть будут два парламента: один — для взрослых, и там будут депутаты взрослых и министры взрослых, а другой — для детей, и там дети будут депутатами и министрами. Я король и взрослых, и детей, но если взрослые находят, что для них слишком маленький, пусть выберут себе взрослого короля, а я останусь королём детей.

Матиуш четыре раза пил воду и говорил очень долго, и министры поняли, что это не шутка, что сейчас речь

идёт не о шоколаде, не о коньках или качелях, а об очень важной реформе.

— Я знаю, что это трудно, — закончил Матиуш свою речь. — Все реформы трудны. Но надо начать. Если мне не удастся сделать всё как надо, мои реформы завершит мой сын или внук.

Министры склонили головы. Так долго и так умно Матиуш никогда ещё не говорил. Это правда — дети тоже народ, следовательно, имеют право управлять. Но как это сделать? Сумеют ли они, не слишком ли они глупые?

Сказать, что дети глупые, министры не могли, ведь Матиуш тоже был ребёнком. Ну, что ж: надо будет попробовать.

Газету для детей учредить можно; Матиуш привёз много золота, так что деньги есть. Но кто будет писать в эту газету?

— Журналист у меня уже есть. Министром будет Фелек.

Для Матиуша было очень важно доказать Фелеку, что он продолжает быть его другом, так как Фелек часто его поддразнивал и говорил:

— Господская милость до порога. На войне под пулями хорош был Фелек. А на балы, в театр или на море собирать ракушки — лучше Стасек и Еленка. Но в страну людоедов снова поехал Фелек, ведь там опасно, так что мамочка не отпустила Стасека и Еленку. Ну, что ж, ведь я сын простого взводного, а не господина капитана. Может быть, опять появится какая-нибудь опасность, и снова Фелек будет нужен.

Очень неприятно, если вас обвиняют в том, что вы слишком горды или, хуже того, неблагодарны.

И вот сейчас появилась возможность убедить Фелека, что он ошибается, что Матиуш помнит о нём не только в беде. Притом Фелек постоянно бегал с детьми, его видели на всех улицах, уж он-то хорошо знает, что нужно детям.

28

Бедный Матиуш! Он так хотел быть настоящим королём, так мечтал сам управлять, так хотел понять всё. Его желание исполнилось. Но Матиуш не знал, сколько работы, сколько забот и огорчений падёт на его голову.

Внутри страны всё шло хорошо. Начали строить в лесах дома для детей, таким образом, строители, каменщики, столяры, печники, кровельщики, слесари и стекольщики получили работу и были довольны, потому что много зарабатывали. Работали кирпичные заводы, лесопильни, стекольные заводы, была выстроена специальная фабрика коньков, прибавились четыре большие фабрики конфет и шоколада.

Были сделаны специальные клетки для диких зверей и вагоны для перевозки их по железной дороге. Трудно и дорого было сделать вагон для слонов и верблюдов. Специальный вагон надо было придумать для жирафа, у которого очень длинная шея. За городом садовники устроили зоологический сад. Были выстроены два больших дома, куда со всей страны депутаты должны были собираться на совещания, чтобы решать, как управлять, какие издавать законы.

Одно здание парламента было предназначено для взрослых депутатов, а другое — для детей. В детском парламенте всё было устроено так же, как и у взрослых, только ручки у дверей были ниже, чтобы даже самые маленькие

депутаты могли сами открывать двери. Стулья были низкие, чтобы у детей ноги не болтались в воздухе, окна были ниже, чтобы дети могли смотреть на улицу, когда совещание будет не очень интересным.

Все были довольны — ремесленники и рабочие тем, что получили работу, фабриканты — что получили заказы, дети — что король о них думает. Дети читали свою газету, где каждый писал что хотел, и те, которые не умели читать, теперь успешно учились, потому что хотели знать, что происходит, а также писать в свою газету.

Родители и учителя были довольны, что дети стали прилежнее. И драк в школах теперь было меньше, потому что каждый хотел, чтобы его любили, чтобы его выбрали в депутаты.

Теперь Матиуша любили не только войска, но почти все. Все удивлялись, как такой маленький король так быстро научился хорошо управлять. Народ не знал, сколько у Матиуша было забот. Хуже всего было то, что иностранные короли всё больше и больше ему завидовали.

— Что он вообразил? — говорили они. — Мы уже давно управляем, а Матиуш хочет сразу быть первым. Не трудно быть добродетельным за чужой счёт. Бум-Друм дал ему золото, и Матиуш распоряжается. И где это видано, чтобы белый король дружил с людоедами?

Обо всём этом Матиуш знал от своих шпионов, и министр иностранных дел предостерегал его, что может быть война. Матиуш очень не хотел войны. Не хотел отрываться от работы. Что бы тогда было? Ремесленники снова были бы отправлены на войну, и дома остались бы незаконченными. А Матиуш хотел, чтобы уже

этим летом дети выехали в деревню, а осенью собрались оба парламента: взрослых и детей.

— Что же делать, чтобы не было войны? — спрашивал Матиуш, расхаживая большими шагами по кабинету, заложив за спину руки.

— Надо, чтобы иностранные короли поссорились между собой и чтобы самые сильные из них подружились с Матиушем.

— Ах, это было бы замечательно. Я думаю, что грустный король, тот, который играет на скрипке, мог бы с нами подружиться. Он мне говорил тогда, что вовсе не хотел со мной воевать, я его меньше всех побил, потому что он был в резерве, и он сам мне советовал, чтобы я ввёл реформу для детей.

— Это очень важно, то, что вы говорите, ваше королевское величество, — сказал министр иностранных дел. — Да, он может с нами подружиться, но два других останутся навсегда нашими врагами.

— Почему? — спросил Матиуш.

— Один недоволен, что у нас будет управлять народ.

— Но это его не касается!

— Очень даже касается: ведь если об этом узнает его народ, он тоже захочет управлять, не захочет быть самым отсталым, не позволит ему всем распоряжаться. И у него будет революция.

— Ну, а другой?

— Другой? Гм, с ним можно договориться. Он злится на то, что дикие короли теперь любят нас больше, чем его. Раньше чёрные и жёлтые короли присылали ему подарки, а теперь присылают нам. Но с ним можно договориться, можно предложить ему, чтобы он дружил с жёлтыми королями, а мы будем дружить с чёрными.

— Хорошо, нужно будет попробовать. Я не хочу войны, — решительно сказал Матиуш.

В тот же вечер король Матиуш сел писать письмо грустному королю, который играл на скрипке: «Мне донесли шпионы, что иностранные короли завидуют тому, что Бум-Друм присылает мне золото, и что, по всей вероятности, они опять на меня нападут. Так что прошу Ваше Королевское Величество стать моим другом и с ними поссориться».

Много писал Матиуш о своих реформах, просил совета, что делать дальше. Писал о том, сколько у него работы, как трудно быть королём. И просил, чтобы грустный король не огорчился, если кто-нибудь в парламенте крикнет: «Долой короля!», потому что этот человек ведь может быть чем-нибудь недоволен, например, тем, что король не сделал чего-то, чего тому хотелось, но зато другие довольны.

Была уже поздняя ночь, когда Матиуш положил перо. Он вышел на балкон королевского дворца и долго смотрел на свою столицу. На улицах горели фонари, но в окнах домов было темно, все уже спали.

И Матиуш подумал: «Все дети спят спокойно, только я один не сплю и должен ночью писать письма, чтобы не было войны, чтобы спокойно закончить дома в деревне, чтобы дети могли выехать туда на лето. Каждый ребёнок думает только о своих занятиях и игрушках, а у меня даже нет времени учиться, потому что я должен думать обо всех детях моего государства».

Матиуш вошёл в комнату, где были его игрушки. Они лежали забытые и запylённые.

— Мой миленький паяц, — сказал Матиуш своему паяцу, — ты, наверно, сердись, что я так давно с тобой

не играл. Что делать? Ты деревянный паяц, и если тебя не сломать, ты лежишь себе и ничего тебе не нужно. А я должен думать о настоящих людях, которым нужно очень много.

Матиуш лёг, погасил свет и собирался уже заснуть, как вдруг вспомнил, что не написал ещё письмо другому королю о том, чтобы он дружил с жёлтыми королями из Азии, а Матиушу оставил его африканских друзей.

Что тут делать? Надо, чтобы оба письма были отправлены одновременно. Откладывать нельзя. Что будет, если война начнётся раньше, чем эти письма будут получены?

Матиуш встал, хотя у него от усталости болела голова, и писал до самого утра длинное письмо другому иностранному королю. И так после бессонной ночи снова работал он целый день. И этот день был для Матиуша очень трудным.

Были получены телеграммы из приморского города, что король Бум-Друм прислал целый корабль диких зверей и золота, но король соседней страны не разрешает, чтобы всё это провозили через его государство.

Пришли послы иностранных королей, сказали, что они не хотят, чтобы через их государства возили подарки людоедов, что если один раз Матиушу разрешили, это не значит, что всегда так будет, что Матиуш слишком много себе позволяет, что если Матиуш однажды их победил, то это ещё ничего не значит, так как они купили теперь новые пушки и совершенно не боятся Матиуша.

Вообще послы говорили так, как будто хотели поссориться, и один даже топнул ногой, так что церемоний-

мейстер должен был сделать ему замечание, что этикет не позволяет топать, когда говорят с королём.

Матиуш сначала покраснел от гнева — ведь в его жилах текла кровь Генриха Вспыльчивого, а когда они сказали, что не боятся Матиуша, готов был крикнуть: «И я вас тоже не боюсь! Можем попробовать и увидим, чья возьмёт!»

Но через минуту Матиуш побледнел и начал говорить так, будто бы не понимал, чего они хотят:

— Господа послы, вы напрасно сердитесь. Я вовсе не хочу, чтобы ваши короли меня боялись. Сегодня ночью я написал вашим королям письма, где пишу, что хочу с ними дружить. Прошу вас передать эти письма. Тут только два письма, но я сегодня же напишу и третье. Если вы не хотите пропускать подарки Бум-Друма через ваши страны бесплатно, я охотно заплачу. Я не знал, что это причиняет вашим королям неприятности.

Послы не знали, что написал Матиуш их королям, так как конверты были заклеены и запечатаны королевской печатью, поэтому ничего больше не сказали, только пробурчали что-то под нос и удалились.

А у Матиуша было совещание с журналистом, потом другое — с Фелеком, потом — с министрами. А ещё аудиенция, а ещё подписывание бумаг. А ещё смотр войск. Так как была как раз годовщина битвы, которую королевское войско выиграло во времена Витольда Победителя.

Вечером Матиуш был такой усталый и бледный, что доктор очень огорчился.

— Нужно беречь здоровье, — сказал доктор, — вы, ваше величество, мало едите и мало спите. Вы, ваше

величество, растёте и можете заболеть чахоткой, и будете харкать кровью.

— Я уже вчера харкал кровью, — сказал Матиуш.

Доктор ещё больше забеспокоился, осмотрел Матиуша, но выяснилось, что это не чахотка, что у Матиуша выпал зуб, поэтому у него шла кровь.

— Где этот зуб? — спросил церемониймейстер.

— Я выбросил его в корзину для бумаг.

Церемониймейстер ничего не сказал, но подумал: «Хорошие наступили времена! Королевские зубы выбрасывают на помойку!» Так как в придворном этикете было сказано, что королевские зубы должны быть оправлены в золото и сложены в ящик, выложенный брильянтами, а ящик должен храниться в сокровищнице.

29

Нужно во что бы то ни стало устроить съезд королей: во-первых, Матиуш был у них с визитом, значит, теперь должен пригласить их к себе. Во-вторых, нужно торжественно, в присутствии всех королей, открыть первое заседание парламента. Дальше, нужно показать им новый зоологический сад. И что самое главное, нужно договориться, хотят они быть с ним в дружбе или нет.

Посылались письмо за письмом, телеграмма за телеграммой, министры уезжали и приезжали, дело было очень важное: или дружба с королями и спокойная работа, чтобы всё было хорошо и чтобы всем было хорошо, чтобы было много работы и за работу хорошая плата, чтобы всё было дешёвое и хорошее, — или новая война.

Заседания происходили днём и ночью. То же самое было во дворце Матиуша, то же самое во дворцах иностранных королей.

Однажды пришёл посол и сказал:

— Мой король хочет жить в согласии с королём Матиушем.

— А почему ваш король готовит новые войска и строит новые крепости? Кто не хочет вести войну, тот не строит новых крепостей.

— Мой король проиграл одну войну, — сказал посол, — так что теперь должен остерегаться, но это вовсе не означает, что он хочет напасть на короля Матиуша.

Однако шпионы доносили, что этот первый король угрожает больше всех. Собственно говоря, не столько сам король хотел воевать — он был старый и усталый, как его старший сын, наследник престола. Шпионы Матиуша даже подслушали один разговор короля с сыном.

— Отец, ты уже стар и немощен, — говорил сын. — Лучше будет, если ты отдашь мне трон, уж я с Матиушем справлюсь.

— А что плохого сделал тебе Матиуш? Он очень приятный мальчик и мне очень нравится.

— Нравится, нравится!.. Но он написал письмо грустному королю, чтобы тот от нас отделился, чтобы он дружил с ним. Другому королю он хочет отдать всех жёлтых королей, а себе оставить Бум-Друма и чёрных африканских королей. А кто тогда будет у нас, кто тогда будет присылать нам золото да подарки? Как только мы останемся одни, они подружатся с Матиушем и втроём нападут на нас. Мы должны построить две новые крепости и увеличить количество солдат.

Сын старого короля всё знал, потому что у него тоже были свои шпионы, которые ему обо всём доносили.

Старый король должен был согласиться увеличить количество войск и построить ещё одну крепость. Он боялся, что, если будет война, и он снова её проиграет, сын его скажет:

— Я же говорил тебе, что так будет! Нужно было отдать мне трон и корону, тогда бы этого не случилось.

И так продолжалось всю осень и зиму — было совершенно неизвестно: кто с кем будет дружить.

Только когда Матиуш послал письма, что приглашает всех в гости, короли должны были сказать правду — хотят они приехать или нет.

Ответ на приглашение пришёл такой:

Конечно, мы охотно приедем, но ставим условие, чтобы Матиуш не приглашал Бум-Друма. Мы, белые короли, не хотим сидеть за одним столом с людоедами. Наше хорошее воспитание и наша королевская честь не позволяют нам брататься с дикарями.

Бедного Матиуша очень обидел такой ответ, ведь это означало, что он плохо воспитан и лишён чувства чести. Министр иностранных дел советовал сделать вид, что он этого не заметил и не понял, но Матиуш ни за что не хотел на это согласиться.

— Не хочу притворяться, что я не понимаю. Нет так нет. Они оскорбили не только меня, но и моего друга, который присягнул мне в верности, который готов пожертвовать жизнью, чтобы спасти меня в случае опасности в воде, в огне и в воздухе, который в доказательство того, как он меня любит, хотел, чтобы я его съел! Да, он дикий, очень дикий, но он хочет исправиться. Он мой настоящий друг, он мне доверяет, и ни он ко мне, ни я к нему шпионов не посылаем. А белые короли фальшивые и завистливые. И я им всё это напишу.

Министр иностранных дел испугался не на шутку.

— Ваше королевское величество, вы не хотите войны, а такой ответ — это верная война. Можно им написать, но иначе.

Снова Матиуш не спал всю ночь, вместе с министрами обдумывал ответ. Итак:

Король Матиуш именно для того подружился с Бум-Друмом, чтобы Бум-Друм перестал быть людоедом, Бум-Друм обещал Матиушу, что больше не будет есть людей. Если Бум-Друм не сдержал слово, то только потому, что боится, чтобы его не отравили жрецы, так как негритянские жрецы не хотят, чтобы народ перестал быть диким. В общем, Матиуш готов проверить, перестал ли Бум-Друм быть людоедом, и дать белым королям ответ.

Заканчивая письмо, Матиуш писал:

«И уверяю Ваши Королевские Величества, что и мне дорога моя честь и честь моего чёрного друга, и я готов защищать эту честь ценою своей крови и жизни».

Это означало, что иностранные короли должны быть осторожнее, что Матиуш не позволит себя оскорблять и что хотя он и не хочет этого, готов начать новую войну. Иностранные короли написали:

Хорошо, если Бум-Друм перестал быть людоедом, мы готовы приехать к Матиушу одновременно с ним.

Иностранные короли, а собственно только первый, хотели протянуть время, так как его новые крепости ещё не были готовы. Они думали так: «Если Матиуш напишет, что Бум-Друм уже не людоед, мы напишем, что чёрные короли лгут, что они вероломные, что верить им нельзя, так что приехать к Матиушу отказываемся».

Они не ожидали, что Матиуш подстроит им новый фокус! Как только Матиуш получил ответ, он заявил:

— Лечу на самолёте к королю Бум-Друму. Хочу удостовериться, что он уже не ест человеческое мясо.

Напрасно министры отговаривали Матиуша от такого рискованного путешествия — ветер может бросить самолёт на землю, пилот может заблудиться, может не хватить бензина, наконец, может что-нибудь испортиться в моторе.

Даже владелец завода, который должен был сделать этот самолёт и рассчитывал немало на этом заработать, отговаривал Матиуша:

— Я не могу ручаться, что у самолёта, находящегося в течение пяти дней в воздухе, не будет никаких повреждений. Самолёты обычно летают в холодных странах. Мы ещё не знаем, не испортится ли что-нибудь от жары. Может сломаться какой-нибудь винтик, а в пустыне ведь нет механика, который мог бы исправить повреждённый самолёт.

В общем, самолёт не сможет поднять никого, кроме пилота и Матиуша. А как Матиуш будет объясняться с Бум-Друмом без профессора, который знает пятьдесят языков?

Матиуш кивал головой, что да, действительно, он понимает, что это очень трудное и опасное путешествие, что он действительно может погибнуть в песках пустыни, что без профессора будет очень трудно объясниться с Бум-Друмом, но в конце концов сказал, что решил лететь и полетит.

Он попросил владельца завода не жалеть денег и вызвать самых лучших мастеров, достать самые лучшие инструменты и материалы и сделать самолёт как можно лучше и как можно скорее.

Владелец завода отложил все заказы, самые лучшие механики работали в три смены днём и ночью. Главный инженер завода так много вычислял, что в конце концов сошёл с ума и должен был два месяца провести в больнице. А Матиуш ежедневно приезжал на завод в королевском автомобиле и по нескольку часов сидел там и тщательно осматривал каждую трубку и каждый винтик.

Какое впечатление произвело это известие в стране и за границей, легко себе представить. В газетах ни о чём другом не писали, только о королевском путешествии. Матиуша называли «Королём Воздуха», «Королём Пустыни», «Матиушем Великим» и «Матиушем Безумным».

— Ну, теперь-то ему конец, — говорили завистники.

— Дважды Матиушу везло, но этот номер ему не пройдёт.

Долго искал Матиуш лётчика. Явились двое: один пожилой человек без ног и без одного глаза, а второй — Фелек.

Этот безногий пилот был именно тем старшим механиком, который собирал самолёт. Он летал ещё тогда, когда самолёты не были так совершенны, как теперь, и часто падали. Он падал семь раз; в четырёх случаях он только сильно расшибся, но ничего не повредил, на пятый — потерял глаз, на шестой — ему раздробило ноги, а на седьмой — сломало два ребра и было такое сотрясение мозга, что он целый год лежал в больнице и потерял дар речи. Он и теперь говорил плохо. Последний случай отбил у него охоту летать, но он очень любил самолёты и поступил на завод, чтобы делать их и хотя бы смотреть на них, если уж сам летать не может.

Но с королём Матиушем он полетит: руки у него крепкие, а один хороший глаз вполне сойдёт за два.

Фелек понял, что не может сравниться с таким опытным пилотом, и уступил ему, тем более что думал, как все остальные, что в это путешествие легко отправиться, но трудно из него возвратиться.

Итак, «Безумный Матиуш» отправился в путь со своим безногим товарищем.

30

Сидит себе офицер белого гарнизона у телеграфиста, курит трубку и болтает о том о сём.

— Вот собачья жизнь, сидишь тут в этой негритянской деревне у самой пустыни — и света божьего не видишь. С того времени, как тут был король Матиуш, по сей день постоянно провозят через нашу деревню клетки с дикими зверями и мешки с золотом от короля Бум-Друма, так что стало ещё хуже. Такие дикие звери будут жить в столице Матиуша среди белых людей, а я — человек и должен до самой смерти сидеть в этой пустыне! Раньше хоть негры бунтовали, так что с ними иногда воевали. А теперь, как подружались с королём Матиушем, сидят тихо, не нападают на нас. Чёрт знает, зачем мы здесь? Ещё год или два такой жизни, пожалуй, и стрелять разучишься.

Телеграфист хотел что-то сказать, но тут затрещал телеграф.

— Какая-то телеграмма.

Аппарат стучал, а на белой бумажной ленте начали появляться буквы.

— Ого, интересная новость!

— А что такое?

— Ещё не знаю. Вот: «Завтра в шестнадцать часов король Матиуш приедет поездом, чтобы лететь через пустыню самолётом к королю Бум-Друму. Самолёт этот также прибудет поездом. Когда будут выгружать самолёт, надо сломать какое-нибудь колёсико, чтобы король Матиуш не мог лететь. Совершенно секретно».

— Понимаю, — сказал капитан, — наверно, нашим королям не нравится дружба Матиуша с Бум-Друмом. Это очень неприятный приказ. Сами не хотели дружить с людоедами и Матиушу мешают. Это большое свинство. Но ничего не поделаешь: я офицер и приказ должен выполнить.

Он сейчас же позвал верного солдата и приказал ему переодеться носильщиком.

— На станции все носильщики негры, и Матиуш, увидав одного белого, наверняка наймёт его присмотреть за дикарями, чтобы ничего не испортили. Тут-то ты и должен вывинтить колёсико, чтобы испортить самолёт.

— Слушаю! — сказал солдат, переоделся носильщиком и пошёл на станцию.

Приехал Матиуш. Негры его обступили. Матиуш показывает жестами, что надо выгрузить машину, только очень осторожно, чтобы чего-нибудь не испортить. Боится Матиуш, что его не поймут. И вдруг появляется белый человек, Матиуш очень обрадовался.

— Я хорошо заплачу вам, — сказал он, — только вы им всё объясните и следите за ними.

Тем временем прибегает капитан, будто бы только сию минуту он узнал о приезде Матиуша.

— Что? Самолётом? Хо-хо, прекрасное путешествие. Как — уже завтра? Пусть король останется у нас на

несколько дней. Отдохнёт. Ну, пойдёмте, господа, завтрак ждёт.

Матиуш охотно согласился, но лётчик ни за что не хотел идти.

— Я предпочитаю проследить своим единственным глазом, чтобы они ничего тут не натворили.

— Я за ними послежу, — говорит переодетый носильщиком солдат.

Но безногий лётчик упёрся. Нет и нет. Пока самолёт не снимут с платформы и не соберут, он не двинется ни на шаг.

Ну, что же делать, если он такой упрямый. Выгружают негры — отдельно крылья, отдельно ящик с мотором, отдельно пропеллер — и всё это собирают под наблюдением пилота. Переодетый носильщик пробует от него избавиться, но это ему не удаётся. Пришлось угостить его усыпляющей сигарой. Пилот только несколько раз затынулся и уснул.

— Пусть лётчик поспит. Он очень утомлён путешествием. Да и вы заработались, — сказал белый носильщик неграм. — Вот вам деньги.

Негры ушли. Пилот спал, а солдат тем временем отвинтил самое важное колёсико, без которого самолёт не мог летать, и зарыл это колёсико под фиговой пальмой в песке.

Через час лётчик проснулся — ему было немного стыдно, что он заснул во время работы, — и закончил сборку самолёта, который негры покатали на колёсах до самого лагеря.

— Ну что? — тихо спросил солдата офицер.

— Всё в порядке, — ответил солдат. — Отвинченное колёсико зарыто под пальмой, может быть, принести?

— Нет, не надо, пусть там лежит.

Ещё солнце не взошло, когда Матиуш начал готовиться в дорогу. Взял запас воды на четыре дня, немного еды и два револьвера. Залили бензин, взяли масла, чтобы смазать мотор. И ничего больше. Самолёт нельзя было перегружать.

— Можно лететь.

Но что это? Мотор не работает. Что бы это могло быть? Ведь пилот сам его укладывал, сам собирал.

— Нет колёсика! — крикнул летчик, — Кто мог отвинтить колёсико?

— Какое колёсико? — спросил офицер.

— Тут, тут было колёсико. Без него нельзя лететь.

— А вы не взяли запасного колёсика?

— Что же я, сумасшедший? Я взял только то, что могло в дороге сломаться или испортиться, а колёсико ни сломаться, ни испортиться не могло.

— Может быть, его забыли привинтить?

— Как это! Я сам его привинтил, ещё на заводе. Я вчера его видел, когда вынимали мотор из ящика. Это кто-то сделал умышленно.

— Если это колёсико блестящее, могли взять негры, они очень любят блестящие вещи.

Матиуш, опечаленный таким невезением, молча стоял у самолёта, и вдруг он заметил возле крыла машины, в песке, что-то блестящее.

— Что это там блестит? Ну-ка посмотрите.

Каково же было всеобщее удивление, когда этим блестящим предметом оказалось именно потерянное колёсико.

— Что за дьявольская страна! — крикнул пилот. — Какие странные вещи творятся здесь! Сколько живу на

свете, никогда не засыпал во время работы, а вчера первый раз в жизни уснул. Многое портилось и ломалось в моих самолётах, но никогда ещё не отвинчивалось именно это колёсико, которое крепче всего привинчено. И как оно здесь очутилось?

— Надо торопиться, — сказал Матиуш, — мы и так потеряли целый час.

Не меньше их был удивлён офицер, но больше всех — солдат, который, теперь уже в обычном своём костюме, стоял неподалёку.

«Это проделка чёрных дьяволов — негров», — подумал он. Так оно и было.

Когда негры пошли в кабачок, они начали говорить об этой странной машине, которую выгружали из поезда.

— Совсем как птица. Говорят, что белый король полетит на ней к людоеду Бум-Друму.

— Чего только не выдумают эти белые, — качали они головами.

— А для меня, — сказал один старый негр, — не так удивительна белая птица, как этот белый носильщик. Тридцать лет работаю у белых, а не помню, чтобы когда-нибудь белый пожалел чёрного рабочего и дал ему деньги раньше, чем тот кончит работу.

— И откуда он взялся? Разве он приехал вместе с ними?

— Даю слово, это кто-то из здешних, переодетый носильщиком. Он слишком хорошо для белого говорит на нашем языке.

— А разве вы не заметили, что этот безногий механик уснул, когда белый носильщик дал ему сигару? Наверно, это была усыпляющая сигара.

— Тут что-то не так, — решили все.

Закончив работу, белый носильщик ушёл, а негры сели неподалёку от пальмы, под которой было зарыто колёсико. И вдруг один из них закричал:

— Смотрите, на песке следы! Там что-то закопали. Я помню, что до прихода поезда песок под пальмой был нетронутым.

Начали рыть, нашли колёсико и тотчас же обо всём догадались.

Что делать? Белые хотят подложить Матиушу свинью, а негры любят Матиуша. Они немало заработали денег с того времени, как начали снимать с верблюдов тяжёлые клетки, ящики и мешки и погружать в вагоны этого дышащего огнём дракона, которого белые называют «поезд».

Что же делать? Подойти и отдать Матиушу колёсико? Но офицер белого гарнизона может их строго за это наказать. Посоветовались и решили прокрасться ночью в лагерь и подбросить колёсико.

Так и сделали. И вот благодаря помощи добрых негров Матиуш, хоть и с трёхчасовым опозданием, смог отправиться в дорогу.

31

Заблудились!

Кто сам не пережил этого, тот не понимает, сколько ужаса заключено в этом слове. Если ты заблудился в лесу, то у тебя кругом хоть деревья, ты можешь набрести на шалаш или на сторожку лесничего. В лесу у тебя ягоды, ручей — можешь напиться воды, заснуть под деревом. Если заблудится корабль, на корабле есть люди, они могут развеселить, утешить, есть запас еды,

виднеются какие-нибудь острова. Но вот так, вдвоём, заблудиться в воздухе, над пустыней, — это, пожалуй, самое страшное, что может ждать человека. Ни спросить, ни посмотреть, даже ни заснуть хоть ненадолго, чтобы освежиться.

Сидишь на этой странной птице и думаешь — вот она мчится как стрела, но неизвестно куда, мчится, пока есть бензин и масло, и падает замертво, когда запас их кончится. А вместе со смертью этого великана — конец надеждам, тебя ждёт смерть в раскалённых песках пустыни.

Два дня тому назад они пролетели над вторым оазисом, сегодня в семь часов утра должны были пролететь над третьим, а в четыре часа дня быть в стране Бум-Друма. Часы их маршрута были подсчитаны двадцатью учёными профессорами, и подсчитаны точно, с учётом силы ветра. Направление у них было прямое, ведь в воздухе нет надобности обходить какие-либо препятствия.

Что же случилось?

В семь часов утра они должны были пролетать над третьим, последним оазисом, а между тем уже без двадцати минут восемь, а под ними всё песок и песок.

— Долго мы можем ещё держаться в воздухе?

— Самое большое шесть часов. Бензина, может быть, хватило бы и на дольше, но масла эта бестия столько выпивает, что не знаешь, как быть. Жарко ей, хочется пить, ничего удивительного.

Они понимали эту жажду, потому что запас питьевой воды тоже был на исходе.

— Пейте вы, ваше величество, — мне меньше нужно воды, потому что ноги мои остались дома и вода им уже

не нужна. Ох, и трудно мне будет после падения ползком возвращаться домой, чтобы отыскать свои ноги.

Казалось, он шутил, но Матиуш видел, что у храброго лётчика в глазах стояли слёзы.

Семь часов сорок пять минут.

Семь часов пятьдесят минут.

Восемь часов.

А оазиса всё не видно.

Если бы была буря или гроза, не жалко было бы погибать. Но всё шло так хорошо! На десять секунд раньше пролетели первый оазис, с опозданием на четыре секунды пролетели второй. Летят с той же самой скоростью, ну, хоть бы на пять минут опоздали. А то — на целый час!

Уже почти у цели, уже сегодня должно было закончиться это последнее опасное путешествие Матиуша. Всё зависело от этого путешествия. И что же?

— Может быть, изменить направление? — советует Матиуш.

— Направление изменить легко. Мой самолётик послушный, стоит пальцем пошевелить. Как он прекрасно идёт! Это не его вина, что так случилось. Не горюй, мой птенчик. Изменить направление — и какое выбрать? Я думаю, надо лететь дальше. Может быть, это опять какая-нибудь дьявольская проделка, как с колёсиком. Как это оно могло пропасть и тотчас же отыскаться? Опять мотор хочет пить. На тебе, дурень, рюмку масла, но помни, что пьянство всегда влечёт за собой несчастье, а тебя в особенности ожидает горькая доля.

— Оазис! — вскрикнул вдруг Матиуш, который не отрывал глаз от подзорной трубы.

— Тем лучше, — сказал пилот, такой же спокойный в удаче, как был спокоен минуту назад в беде.

— Оазис так оазис. Опоздание на час пять минут. Ничего страшного. У нас запас на три часа больше, чем нужно. Всё потому, что ветер нам мешает. А ну-ка, напьёмся сейчас вместе. — Лётчик налил себе кружку воды и чокнулся с маслёнкой.

— Твоё здоровье, братишка.

И, обильно залив масла в машину, сам выпил целую кружку воды.

— Ваше величество, извольте дать мне на минуту подзорную трубу, посмотрю и я одним глазом на это диво. Хе-хе, хорошенькие деревца у Бум-Друма. А вы, ваше величество, уверены, что Бум-Друм перестал быть людоедом? Быть съеденным — это ещё не самое плохое, если знаешь, что тебя, по крайней мере, похвалят, что ты вкусный. Но я жёсткий и жилистый, притом бульон из сломанных рёбер не очень-то питательный.

Матиуш не мог надивиться, как этот молчаливый человек, который почти ничего не говорил всю дорогу в поезде, вдруг стал весёлым и разговорчивым.

— Ваше величество, а вы уверены, что это тот самый оазис? Может быть, мы опять наткнёмся на проклятые пески, так уже лучше сесть здесь?

Матиуш не был уверен — ведь сверху всё выглядит иначе. Но садиться нельзя, здесь они могут встретить разбойников или попасть в лапы диких зверей.

— Может быть, мы немного снизимся, чтобы рассмотреть получше?

— Хорошо, — сказал Матиуш.

Они летели очень высоко, чтобы было не так жарко, — приходилось экономить масло. Но сейчас можно было не

экономить, до конца путешествия оставалось несколько часов.

Самолёт заворчал, дрогнул — и начал опускаться.

— А это что? — удивился Матиуш и тут же крикнул: Вверх, как можно скорее вверх!

И в ту же минуту около десятка стрел вонзились в крылья самолёта.

— Ты не ранен? — с беспокойством спросил Матиуш.

— Ничуть, — сказал лётчик. — Хорошо же нас принимают, нечего сказать.

Ещё несколько стрел прожужжало рядом с самолётом, и путешественники снова поднялись высоко.

— Теперь я уверен, что это тот самый оазис. Разбойники слишком далеко в лес не заходят, потому что им там нечего делать. Они кочуют недалеке от лесов Бум-Друма и располагаются в ближайшем оазисе.

— Значит, мы будем возвращаться не самолётом, а на верблюдах?

— Очевидно, Бум-Друм отправит нас, как и в первый раз. В стране Бум-Друма, пожалуй, можно было бы получить масло, но бензина там, разумеется, нет.

— Если так, — сказал лётчик, — можно рискнуть. Порядочный машинист, если опоздал, едет быстрее, чтобы прибыть вовремя. И я так сделаю: пущу машину с самой большой скоростью, чтобы прибыть точно по расписанию. Может быть, это мой последний полёт, так я уж воспользуюсь случаем.

И пустил мотор с такой скоростью, что уже через минуту и оазис, и разбойники остались далеко позади.

— А стрелы не вредят? — спросил Матиуш.

— Нисколько, пусть себе болтаются.

Летят, летят, летят, летят. Мотор, хорошо смазанный, работает как надо. Опять начинают попадаться то кусты, то низкие деревья.

— Хо-хо, моя лошадка уже чувствует конюшню, — шутит лётчик.

Выпили последнюю воду, доели остатки еды, чтобы не приезжать голодными. Ведь неизвестно, сколько будет продолжаться торжественная церемония встречи, пока их накормят.

Начали осторожно спускаться, снизили скорость, так как Матиуш уже издалека заметил серый песок лесов Бум-Друма.

— Ну, хорошо, — говорит пилот, — а есть там в лесу какая-нибудь полянка? Ведь мы не можем сесть на деревья. Правда, однажды я сел в лесу, собственно говоря, не столько я сел, сколько самолёт меня высадил. Тогда-то я и потерял глаз. Я был тогда ещё молод, и самолёты были молодые и непослушные.

Как раз перед дворцом, то есть перед королевским шатром Бум-Друма, была большая поляна. И теперь, пролетев уже совсем низко над лесом, самолёт искал эту поляну.

— Немного правее! — крикнул Матиуш, глядя в подзорную трубу. — Слишком далеко, надо вернуться. Левее, меньше круг, хорошо.

— Вот, вижу, вижу, да, поляна, но что это?

— Вверх! — крикнул перепуганный Матиуш. Снова поднялись выше. До их ушей донёсся снизу такой крик, как будто орал весь лес.

Вся поляна перед королевским шатром была полна людей. Голова к голове.

— Что-то случилось. Или Бум-Друм умер, или у них какой-то праздник.

— Да, но мы ведь не можем опуститься им на головы.

— Мы должны подниматься и опускаться до тех пор, пока они не поймут, что надо разойтись, иначе мы их раздавим.

Семь раз поднимались они вверх и снижались, пока дикари не поняли, что большая птица хочет сесть на поляне, отошли назад к деревьям, и самолёт спокойно сел.

Только Матиуш ступил на землю, как к нему подбежало какое-то лохматое существо и изо всех сил обхватило его за шею.

Когда Матиуш немножко постоял, и у него уже не кружилась голова и перед глазами не мигало, он увидел у своей щеки курчавую голову негритянского ребёнка, а когда ребёнок поднял голову и посмотрел ему в глаза, Матиуш сразу же узнал королевскую дочь, милую Клю-Клю.

32

Матиуш не понимал, что происходит. Всё случилось так быстро, что ему казалось, что он видит это во сне. Сначала Матиуш увидел Бум-Друма, связанного верёвками. Бум-Друм лежал на костре, а около него стояли чёрные жрецы. Все жрецы были страшные, но один был особенно страшный: у него было два крыла, две головы, четыре руки и две ноги. Так он был одет. В одной руке он держал какую-то доску, на которой было что-то нарисовано или написано кровью, а в другой руке держал зажжённый фонарь. Матиуш догадался, что Бум-Друма

должны сжечь. Тут же стояли связанные его двести жён, и каждая держала в руке отравленную стрелу, остриём направленную в собственное сердце. Дети Бум-Друма ужасно плакали, ходили на четвереньках или с жалобным видом кувыркались. Одна только маленькая Ключ-Ключ тянула Матиуша за руку в сторону отца и что-то говорила, но что — Матиуш не понимал. Матиуш на всякий случай вынул револьвер и выстрелил в воздух.

В эту самую минуту Матиуш услышал позади себя крик. Это крикнул лётчик, замахал руками в воздухе, посинел и упал замертво на землю.

Тогда дикари начали орать так, что Матиуш подумал, что они сошли с ума. А жрец с двумя головами разрезал верёвки Бум-Друма, начал танцевать какой-то дикий танец, потом вошёл на костёр, на котором только что лежал Бум-Друм, и дотронулся зажжённым факелом до хвороста.

Хворост, по-видимому, был пропитан каким-то легко воспламеняющимся составом, потому что тут же вспыхнуло сильное пламя, и Матиуш и Ключ-Ключ едва успели отскочить в сторону, так как тоже могли загореться.

Самолёт стоял недалеко от костра, одно крыло его загорелось, раздался треск, и он взорвался. Тут жёны Бум-Друма схватили Матиуша на руки и посадили на золотой трон. А потом Бум-Друм и все младшие короли и князья клали головы на ступени трона, брали правую ногу Матиуша и трижды ударяли ею себе по шее, говоря при этом какие-то слова, которых Матиуш не понимал.

Тело мёртвого лётчика завернули в материю, пропитанную такими ароматными маслами, что у Матиуша закружилась голова.

«Что всё это значит?» — спрашивал себя Матиуш.

Случилось что-то необычайное, но что? Похоже на то, что Матиуш спас жизнь Бум-Друму и всем его жёнам. Кажется, Матиушу не угрожает теперь никакая опасность. Но разве можно быть в чём-нибудь уверенным в стране этих странных людей?

Откуда явилось такое множество негров? Что они собираются делать? Они уже разожгли в лесу несколько тысяч костров и танцевали, играли и пели. Каждый оркестр играл своё, каждое племя пело свои песни.

То, что тут были не только подданные Бум-Друма, Матиуш узнал по одежде. Одни, по-видимому, были из лесов, так как одежда их состояла из растений и птичьих перьев, другие носили на спине панцири громадных морских черепах, третьи были в обезьяньих шкурах, четвёртые совсем голые, только в носу и в ушах у них болтались украшения.

Матиуш не был труслив, он не раз смело смотрел смерти в глаза. Но один, вдали от дома, среди стольких тысяч дикарей, один-одинёшенек... Нет, это было уже слишком даже для мужественного сердца Матиуша. А когда он вспоминал славного товарища, который погиб столь таинственным образом, его охватила такая жалость, что он громко заплакал.

Матиуш занимал отдельный шалаш, сделанный из львиных и тигровых шкур, и думал, что может свободно выплакаться, что его никто не слышит. Но он ошибся. Маленькая Клю-Клю не спала, маленькая Клю-Клю не отходила от Матиуша ни на шаг. Он увидел её при свете громадного брильянта. Клю-Клю плакала вместе с ним. Положив свою маленькую ручку на его голову, она заливалась горькими слезами.

О, как жалел Матиуш, что он не знал языка людоедов. Клю-Клю рассказала бы ему обо всём. Она что-то говорила, говорила очень медленно и по нескольку раз повторяла одно и то же слово, надеясь, что так Матиуш поймёт. Показывала ему что-то жестами. Но из всего этого Матиуш догадался о двух вещах: что Клю-Клю является самым верным его другом на свете и что Матиушу не угрожает никакая опасность — ни сейчас, ни в будущем.

Несмотря на усталость, Матиуш не спал всю ночь. Только под утро крики немного затихли, и Матиуш уснул. Но его снова разбудили, снова посадили на трон, и каждая группа негров подносила ему подарки. Матиуш улыбался, благодарил, но понимал, что во всём мире не найдётся столько верблюдов, чтобы перевезти всё это через пустыню. К тому же иностранные короли перед самым его отъездом заявили, что будут пропускать через свои государства только клетки с дикими зверями, и ничего больше, сколько бы Матиуш ни предлагал им денег.

«Как жаль, — подумал Матиуш, — что в моём государстве нет своего порта и своих кораблей».

И если уж хотите знать, Матиуш подумал ещё о том, что если бы вспыхнула новая война и он снова бы её выиграл, иностранному королю пришлось бы отдать ему один морской порт, чтобы Матиуш не зависел от их милости.

Матиуш охотно остался бы ещё с неделю, чтобы отдохнуть, но не мог, а что будет, если без него вспыхнет война? Как справится он с чтением писем? Ведь он должен был ежедневно читать по сто писем и ста детям давать во время аудиенции всё, что им необходимо.

— Надо возвращаться, — сказал Матиуш Бум-Друму, показал на верблюда и махнул рукой на север.

Бум-Друм понял.

Потом Матиуш показал, что хочет взять домой тело храброго лётчика.

Бум-Друм понял.

Когда развернули пропитанную благовониями ткань, Матиуш увидел своего мёртвого товарища: он был теперь совершенно белый и твёрдый, как мрамор. Его положили в ящик из чёрного дерева и показали Матиушу жестами, что он может его взять.

В другой ящик положили остатки сожжённого самолёта. Матиуш знаками показал, что этого он не возьмёт. К его удивлению, Бум-Друм так этому обрадовался, точно сожжённый самолёт был чем-то необыкновенно важным.

Ну хорошо, но Матиуш не знал самого главного: есть ли ещё Бум-Друм людей или нет? Не было иного способа узнать этого, как только взять Бум-Друма с собой. И Матиуш взял Бум-Друма. И уже знакомой дорогой тронулся королевский караван через пустыню.

И только в своём кабинете, в своей столице, понял Матиуш все странные вещи, свидетелем которых он был в стране людоедов. Профессор, который знал пятьдесят языков, всё объяснил Матиушу.

Давным-давно, когда один из предков Бум-Друма захотел перестать есть людей и был за это отравлен, верховный жрец диких сделал такое предсказание.

Настанет время, когда людоеды изменятся. Будет так: однажды вечером покажется огромная птица, у которой будет железное сердце, а в правом крыле десять отравленных стрел. Эта птица семь раз облетит поляну коро-

левской столицы и снизится. У этой птицы будут огромные крылья, четыре руки, две головы, три глаза и две ноги. Одна голова и две руки этой птицы будут отравлены одной из десяти стрел и умрут. Дважды раздастся гром. Тогда верховный жрец будет сожжён. Треснет железное сердце громадной птицы. И останется от неё только кусок мрамора, горсть пепла и белый человек, который станет королём всех чёрных королей. И тогда негры перестанут быть людоедами и начнут учиться у белых разным искусствам и мудрости. А пока птица не покажется, ничего нельзя менять. И каждый король, который захочет что-нибудь изменить раньше этого, должен погибнуть от огня или яда.

Бум-Друм выбрал огонь. И как раз тогда, когда должно было произойти торжественное сожжение Бум-Друма и отравление его двухсот жён, появился самолёт с двумя путешественниками. Матиуш вызвал два грома, а лётчик — то есть две руки и один глаз птицы — погиб, уколовшись по неосторожности одной из десяти отравленных стрел разбойников. Верховный жрец добровольно сжёг себя, огромная птица сгорела, а Матиуш стал королём не только всех людоедов, но и всех чёрных королей. Итак, отныне людоеды уже никогда не будут есть людей; они хотят учиться читать и писать, не будут продевать в нос ракушки и кости и одеваться будут так, как все люди.

— Это прекрасно! — воскликнул Матиуш. — Пусть Бум-Друм пришлёт сюда сто негров, наши портные научат их шить одежду, наши сапожники научат их шить сапоги, а наши каменщики — строить дома. Пошлём им граммофоны, чтобы они научились красивым мелоди-

ям, пошлём трубы, барабаны и флейты, потом скрипки и рояли. Научим их нашим танцам и подарим им зубные щётки и мыло.

— Я знаю, что я сделаю, — воскликнул Матиуш, — я устрою в столице Бум-Друма беспроводный телеграф! Тогда можно будет вести с ними дела, потому что каждый раз ездить так далеко очень трудно.

И Матиуш вызвал королевских мастеров и приказал сделать для Бум-Друма двадцать костюмов, двадцать пар сапог и двадцать шляп. Парикмахер остриг ему волосы. И Бум-Друм на всё соглашался. Ему было только немножко не по себе, когда он съел тюбик зубной пасты и кусок душистого мыла, которое было дано ему для мытья. С той поры четыре лакея следили за Бум-Друмом, чтобы он снова не сделал какой-нибудь оплошности.

33

На другой же день после приезда Матиуша старший министр созвал совещание, но Матиуш просил, чтобы его отложили. Как раз выпал красивый пушистый снег, в королевском саду собралось около двадцати мальчиков; были между ними и Фелек, и Стасек. Они играли так весело, что у Матиуша сжималось сердце, когда он смотрел на эту игру.

— Господин старший министр, — сказал Матиуш, — я только вчера возвратился из трудного и опасного путешествия. Я всё устроил хорошо. И разве мне нельзя, хоть я и король, один денёк отдохнуть? Ведь я маленький мальчик и люблю играть. Если нет ничего особенно важного и можно один день подождать, то я предпочёл

бы, чтобы совещание было завтра, а сегодня я буду весь день играть с мальчиками. Такой хороший снег, наверно, уже последний в этом году.

Старшему министру стало жаль Матиуша, потому что хотя Матиуш и не просил у него разрешения, а только интересовался, можно ли ему поиграть с мальчиками.

— Один день можно подождать, — сказал министр.

Матиуш даже подпрыгнул от радости. Он надел коротенькую меховую курточку, чтобы ничто ему не мешало, и через минуту уже играл с мальчиками в снежки. Сначала в Матиуша не бросали снежками, не знали, можно ли. Но Матиуш заметил, что в него не целятся, и крикнул:

— Это не игра! Я в вас бросаю, а вы нет. Это не дело. Вы не бойтесь, я сумею защититься. Снежки — это не отравленные стрелы.

Ну, ладно. Разделились на две партии. Эти нападают, те защищаются. Шум поднялся такой, что даже лакеи выбежали посмотреть, что творится. Но заметили короля, удивились, ничего не сказали и ушли.

Никто не узнал бы короля, если бы не знали его в лицо. Матиуш был весь в снегу, потому что несколько раз падал и получил не один снежок в спину, в голову и в ухо. Защищался он яростно.

— Слушайте! — крикнул вдруг Матиуш. — Договоримся так: в кого попадает снежок, тот будет считаться убитым и уже в сражении участвовать не будет. Тогда, по крайней мере, мы будем знать, кто выиграл.

Получилось нехорошо — слишком быстро все оказались убитыми. Тогда решили, что убитым будет считаться тот, в кого трижды попадёт снежок. Правда, некото-

рые обманывали и даже после третьего удара продолжали сражаться. Но всё же стало лучше, меньше было шума, лучше лепили снежки и внимательнее целились. Потом опять изменили условие: убитым считался тот, кто упал.

Чудесная была игра.

Потом вылепили из снега огромную бабу, сунули ей в руки метлу, сделали ей глаза из угольков, а нос из моркови. Матиуш то и дело бегал на королевскую кухню.

— Господин повар, дайте, пожалуйста, два уголька.

— Господин повар, дайте, пожалуйста, морковку, мы делаем нос снежной бабе.

Повар был сердит, потому что за Матиушем вбегали другие мальчики, а так как в кухне было жарко, снег таял и на полу оставались следы.

— Двадцать восемь лет работаю королевским поваром, но такого хлева в моей кухне ещё не помню, — ворчал повар и сердито погонял поварят, чтобы те вытирали пол.

«Жаль, что в стране Бум-Друма нет снега, — подумал Матиуш. — Я научил бы негритянских детей лепить снежных баб».

Когда баба была готова, Фелек предложил кататься на санях. При дворе имелись четыре пары саней, предназначенных для королевских детей, и четыре пони. Запрягли пони.

— Сами будем править, — сказал Матиуш конюхам. — Будем ездить наперегонки: кто первый объедет вокруг парка.

— Идёт, — согласились мальчики.

И Матиуш уже сел в сани, когда вдруг увидел старшего министра, который быстро к ним приближался.

— Наверно, за мной, — вздохнул опечаленный Матиуш. Так оно и было.

— Простите, тысячу раз простите, ваше королевское величество. Мне очень неприятно, что я вынужден прервать игру вашего величества.

— Что же делать. Играйте без меня, — сказал Матиуш мальчикам. — Так что же случилось?

— Приехал наш самый главный шпион, — шёпотом сказал министр. — Этот шпион привёз такие новости, о которых он не мог написать в письме, так как боялся, что письмо может попасть в чужие руки. Мы должны немедленно посоветоваться, потому что через три часа он снова уезжает за границу.

В это время как раз перевернулись первые сани, потому что пони давно не запрягали, и он был такой злой, что вместо того, чтобы идти вперёд, прыгнул в сторону. С грустью смотрел Матиуш, как мальчики с хохотом вылезали из сугроба и, отряхнувшись, стали устанавливать сани. Но что поделаешь?

Матиушу было очень интересно увидеть настоящего шпиона, потому что до сих пор он только слышал о них.

Матиуш думал, что введут какого-нибудь босого мальчика или деда с мешком за спиной, а вместо этого увидел очень элегантного господина. В первую минуту он даже подумал, что это министр земледелия, которого знал хуже других, так как министр хозяйничал в деревнях и редко приезжал на совещания.

— Я шеф шпионов у первого иностранного короля, — сказал элегантный господин. — Я приехал предупредить ваше королевское величество, что сын этого короля вчера закончил строительство крепости. Но это ещё не

самое плохое. В прошлом году он втайне построил в лесу огромный пушечный завод и совершенно готов к войне. У него в шесть раз больше пороху, чем у нас.

— Вот негодяй! — воскликнул Матиуш. — Я в лесу строил дома для детей, чтобы они могли на лето выезжать в деревню, а он делал в лесу снаряды и пушки, чтобы напасть на моё государство и уничтожить то, что я выстроил.

— Одну минуту, это ещё не всё, — продолжал шеф шпионов своим приятным тихим голосом. — Он хотел сделать нечто похуже. Зная о том, что ваше королевское величество собирается выслать иностранным королям приглашение на торжественное открытие парламента, он подкупил нашего секретаря, и тот вместо приглашения должен был выслать ноту, объявляющую им войну.

— Ах, негодяй! Я сразу заметил, когда был у них в гостях, что он меня ненавидит.

— Я ещё не кончил. О, он очень хитёр, этот сын старого короля. Если бы секретарю не удалось подменить письма, были приготовлены две такие же бумаги с поддельной подписью короля Матиуша, ко двору грустного короля и короля — друга жёлтых королей. А теперь, ваше королевское величество, позвольте мне его оправдать.

— Но как же вы можете оправдать такого вероломного разбойника?

— Что же, он заботится о своей стране так же, как мы заботимся о своей. Мы хотим быть первыми, и они этого хотят. Сердиться не следует, нужно только быть начеку.

— Так что же мне делать?

— Ваше величество, подпишите приглашения иностранным королям, и я тайно увезу эти письма. Завтра после заседания вы посоветуетесь, как и когда пригла-

сить иностранных королей, будто письма ещё не высланы. Секретарю нужно дать возможность подменить письма и только в последнюю минуту их вскрыть, а его арестовать.

— А как же быть с крепостью и пушечным заводом?

— Ах, глупости, — улыбнулся шеф шпионов. — Крепость и завод будут взорваны. Я приехал к вашему величеству как раз для того, чтобы получить на это разрешение.

Матиуш побледнел.

— Как? Ведь войны ещё нет! Другое дело, во время войны взрывать неприятельские пороховые склады. Но так — приглашать к себе в гости как ни в чём не бывало и вдруг причинить ему такой вред!

— Я понимаю, — продолжал шеф шпионов. — Ваше величество думает, что это неблагородно, некрасиво. Если ваше величество не разрешит, я этого не сделаю. Но вряд ли это будет хорошо. У него в шесть раз больше пороха, чем у нас.

Матиуш взволнованный ходил по кабинету.

— А как же вы это сделаете? — спросил он.

— Помощник главного инженера этого завода нами подкуплен. Он знает точно, где что находится. Там есть одно небольшое здание — склад досок. Об этом никто не будет знать. Там свалено много стружек, стружки загорятся, и будет пожар.

— Ну, так его погасят!

— Не погасят, — улыбнулся шеф шпионов и сощурил глаза. — Потому что так уж странно получится, что как раз лопнет главная водопроводная труба, и во всём заводе не будет ни капли воды. Ваше величество, вы можете быть спокойны.

— А рабочие погибнут? — снова спросил Матиуш.

— Пожары обычно бывают ночью, так что много рабочих не погибнет. А в случае войны погибло бы людей в сто, в тысячу раз больше.

— Знаю, знаю, — сказал Матиуш.

— Ваше королевское величество, мы должны это сделать, — несмело вмешался старший министр.

— Я знаю, что должны! — с гневом сказал Матиуш. — Так зачем же вы спрашиваете, разрешаю ли я?

— Нам иначе нельзя.

— Должны, нельзя... Хорошо, сожгите завод, но крепость не трогайте.

Матиуш быстро подписал приглашение на открытие парламента трём иностранным королям и пошёл в свою комнату.

Матиуш сел у окна и смотрел, как Стасек, Фелек и другие мальчики весело возятся с санями. Он подпёр голову руками и подумал: «Теперь я понимаю, почему грустный король так грустно играет на скрипке. И понимаю, почему он тогда не хотел, а вынужден был вести со мною войну».

34

Когда должно было состояться последнее заседание, на котором уже подписанные приглашения будут вложены в конверты и запечатаны королевской печатью, Матиуш волновался и с нетерпением ждал государственного секретаря, чтобы увидеть, как он будет класть в конверты фальшивые письма с объявлением войны вместо приглашения в столицу Матиуша на открытие парламента. Его очень удивило, что сам секретарь не явился, а явился его помощник.

— Значит, дома будут готовы? — спросил Матиуш.

— Непременно будут готовы.

— Отлично.

Итак, порядок будет такой. Торжества будут продолжаться неделю. В первый день — богослужение, смотр войск, парадный обед и большое представление в театре.

На второй день — открытие парламента взрослых. На третий — открытие детского парламента. На четвёртый день — открытие зоологического сада. На пятый — большое шествие детей, выезжающих на всё лето в деревню, в дома, которые Матиуш выстроил для них в своих лесах.

На шестой день — большой прощальный бал для иностранных королей. А на седьмой — отъезд гостей.

Матиуш добавил ещё к программе четвёртого дня открытие памятника храброму лётчику, который погиб во время их последнего путешествия, и большое гулянье для чёрных королей. На всех увеселениях будут присутствовать депутаты обоих парламентов, и Фелек-министр будет сидеть по левую руку от Матиуша, а старший министр — по правую. Это значит, что министр взрослых и министр детей совершенно равны перед королём, и к Фелеку также все будут обращаться: «Господин министр».

Когда всё обсудили, Матиуш подписал приглашения иностранным королям: белым — на белой бумаге, жёлтым — на жёлтой, а чёрным — на чёрной. Белым королям приглашения были написаны чёрными чернилами, жёлтым — красными, а чёрным королям — золотыми. Приглашения чёрным королям должен был отвезти Бум-Друм; приглашения жёлтым королям должен был переслать их приятель — белый король. Но было заранее

договорено, что белый король задержит эти приглашения у себя. Тогда жёлтые короли обидятся на Матиуша и не будут с ним дружить. Церемониймейстер принёс ящик с королевской печатью. Приглашения по очереди вкладывали в конверты, и помощник государственного секретаря запечатывал их красным и зелёным сургучом.

Матиуш смотрел внимательно. Прежде его смешила вся эта церемония запечатывания писем, он находил её излишней и злился, что она так долго длится. Но теперь он понял, как это важно.

Уже были запечатаны все письма, кроме последних трёх. Министрам надоела эта церемония, они закурили сигары и тихонько разговаривали, хотя регламент запрещал разговаривать во время запечатывания писем королевской печатью. Они не знали, что должно случиться. Знали обо всём только Матиуш, старший министр да министр юстиции. Позже министр иностранных дел очень обижался, что ему ничего не сказали.

Помощник государственного секретаря побледнел, но руки его ничуть не дрожали. И когда он должен был вложить приглашения белым королям, он вдруг начал кашлять и, сделав вид, будто не может найти носового платка, стал шарить по карманам. И тут он так ловко вынул из кармана, вместе с платком, подложные письма, а настоящие спрятал, что заметить это смогли только те, кто обо всём знал.

— Ваше величество, прошу прощения, — сказал он кротко, — но в моём кабинете выбито стекло, и я простудился.

— О, это ничего, — сказал Матиуш, — это моя вина, стекло выбил я, когда мы играли в снежки.

И помощник был очень доволен, что ему так ловко удалось подменить письма. Но тут вдруг министр юстиции объявил:

— Господа министры, прошу внимания. Отложите ваши сигары.

Все сразу же догадались, что произошло нечто важное. А министр юстиции надел на нос очки и обратился к помощнику государственного секретаря:

— Именем закона вы арестованы как шпион и изменник. Согласно параграфу 174 вы будете повешены.

У того даже глаза вылезли на лоб; он вытер со лба пот, но продолжал притворяться спокойным.

— Господин министр, я ничего не знаю, я ничего не понимаю. Я болен, у меня кашель. В моём кабинете выбили стекло. Я должен идти домой и лечь в постель.

— Нет, братец, ты у меня не уйдёшь. Уж в тюрьме тебя вылечат.

Тут входят пять тюремных стражников и надевают ему цепи на руки и на ноги.

— Что случилось? — спрашивают удивлённые министры.

— Сейчас увидите. Ваше королевское величество, извольте сломать печати на этих письмах.

Матиуш вскрыл конверты и показал поддельные бумаги. Там было написано:

«Теперь, когда все дикие короли мои друзья, вы совершенно мне не нужны. Я уже один раз вас победил, попробую второй. И тогда вы будете меня слушаться. Объявляю вам войну».

А пятый тюремный стражник вынул из кармана помощника секретаря вместе с носовым платком смятые приглашения белым королям.

Арестованному было приказано подписать протокол, что всё это правда. Был вызван по телефону государственный секретарь, который и явился тотчас же, перепуганный насмерть.

— Ах, мерзавец! — кричал он. — Я хотел прийти сам, а он так меня просил, так просил, сказал, что хочет меня заменить; купил мне билет в цирк, будто бы в цирке такое хорошее представление, а я, дурак, ему поверил.

На суд приехали сразу пять генералов.

— Обвиняемый, говорите правду, это может облегчить вашу участь. Если же станете виллять, будет плохо.

— Буду говорить правду.

— Как давно вы занимаетесь шпионажем?

— Три месяца.

— Почему вы стали шпионом?

— Я проиграл в карты крупную сумму и не мог отдать. А карточные долги, как известно, нужно платить в течение двадцати четырех часов... Вот я и взял казенные деньги.

— Вы их украли.

— Я думал, что смогу их отдать, думал, что отыграюсь.

— Ну и что дальше?

— Я снова стал играть в карты, чтобы отыграться, и проиграл ещё больше.

— Когда это было?

— Полгода тому назад.

— А что было потом?

— Потом я всё время боялся, что будет ревизия и меня посадят в тюрьму. И вот я поехал к иностранному королю и стал его шпионом.

— Сколько он вам платил?

— По-разному: за важные сведения я получал много, за маловажные — мало. Но за сегодня я должен был получить очень много денег.

— Господа генералы-судьи, — сказал министр юстиции. — Этот человек совершил три преступления: первое преступление — похищение государственных денег. Второе — то, что он шпион. А третье — это то, что он хотел, чтобы началась война, в которой снова погибло бы столько невинных. Я требую для него смертной казни, согласно параграфу 174. Обвиняемый не является военным, так что нет надобности его расстреливать, а достаточно повесить. Что касается государственного секретаря, то он тоже отвечает за своего помощника. Я сам люблю ходить в цирк, но на такое важное заседание он должен был явиться лично, а не присылать шпиона. Это большая небрежность, и за это ему следует дать полгода тюрьмы.

Судьи удалились на совещание, а Матиуш подошёл к старшему министру и шёпотом спросил:

— Почему наш шпион говорил, что это должен сделать секретарь, а не его помощник?

— Ах, сведения шпионов не могут быть абсолютно точными. Шпион не может слишком много спрашивать, это привлекло бы внимание. Он должен быть очень осторожен.

— А как умно он посоветовал, чтобы не спешить с арестом, а подождать, пока будет заседание, — удивился Матиуш. — Меня всё время подмывало его арестовать.

— О нет, так делать нельзя. Лучше всего прикинуться, что ничего не знаешь, и захватить изменника на месте

преступления. Чтобы он уже никаким образом не мог вывернуться.

Церемониймейстер трижды ударил серебряной тростью о стол, и генералы вошли в зал.

— Объявляю приговор: государственный секретарь приговаривается к месячному тюремному заключению, а его помощник к повешению.

Приговорённый стал так громко плакать и просить о помиловании, что Матиушу стало его жаль.

Матиуш вспомнил, как его самого судил военный суд, и он остался жив только потому, что судьи поспорили, расстрелять его или повесить.

— Вашему королевскому величеству принадлежит право помилования. Смертную казнь можно заменить пожизненным заключением.

Матиуш написал на приговоре:

«Заменяю пожизненным заключением».

И угадайте, в котором часу пошёл Матиуш спать?

В три часа ночи.